

ЭДУАРД ФИЛАТЬЕВ

ГЛАВНАЯ ТАЙНА
ГОРЛАНА-ГЛАВАРЯ

ПРИШЕДШИЙ

САМ

КНИГА ПЕРВАЯ

ЭФФЕКТ ФИЛЬМ

Главная тайна горлана-главаря

Эдуард Филатьев

**Главная тайна горлана-
главаря. Пришедший сам**

«ЭФФЕКТ ФИЛЬМ»

2014

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6

Филатьев Э.

Главная тайна горлана-главаря. Пришедший сам / Э. Филатьев —
«ЭФФЕКТ ФИЛЬМ», 2014 — (Главная тайна горлана-главаря)

ISBN 978-5-4425-0009-7

О Маяковском писали многие. Его поэму «150 000 000» Ленин назвал «вычурной и штукарской». Троцкий считал, что «сатира Маяковского бегла и поверхностна». Сталин заявил, что считает его «лучшим и талантливейшим поэтом нашей Советской эпохи». Сам Маяковский, обращаясь к нам (то есть к «товарищам-потомкам») шутливо произнёс, что «жил-де такой певец кипячёной и ярый враг воды сырой». И добавил уже всерьёз: «Я сам расскажу о времени и о себе». Обратим внимание, рассказ о времени поставлен на первое место. Потому что время, в котором творил поэт, творило человеческие судьбы. Маяковский нам ничего не рассказал. Не успел. За него это сделали его современники. В трилогии «Главная тайна горлана-главаря» предпринята попытка взглянуть на «поэта революции» взглядом, не замутнённым предвзятостями, традициями и высказываниями вождей. Стоило к рассказу о времени, в котором жил стихотворец, добавить воспоминания тех, кто знал поэта, как неожиданно возник совершенно иной образ Владимира Маяковского, поэта, гражданина страны Советов и просто человека.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)6

ISBN 978-5-4425-0009-7

© Филатьев Э., 2014
© ЭФФЕКТ ФИЛЬМ, 2014

Содержание

Пролог или Предисловие к жизни	7
Сначала – финал	7
Загадочная раздвоенность	9
Часть первая	12
Глава первая	12
Год рождения	12
Ближайшие родные	13
Немного истории	14
Детские годы	16
Бунтарское наследство	17
Новый стиль	20
Конец века	21
Новый век	23
Глава вторая	27
Начало учения	27
Тюрьма Кутаиса	29
Военная пора	30
Горьковский «Человек»	31
Предгрозовая ситуация	33
Реакция общества	36
Революционный Кутаис	39
Тревожное время	41
Революция продолжается	43
Наступление реакции	45
Вооружённое восстание	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эдуард Филатьев
Главная тайна горлана-главаря.
Книга первая. Пришедший сам

© Э.Филатьев, 2014

© ООО «ЭФФЕКТ ФИЛЬМ», 2014

Текст печатается в авторской редакции

Пролог или Предисловие к жизни

«Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом».

Владимир Маяковский «Я сам», 1922 год.

«Мне наплевать на то, что я поэт. Я не поэт, а прежде всего человек, поставивший своё перо в услужение – заметьте, в услужение! – сегодняшнему часу, настоящей действительности и проводнику её – Советскому правительству и партии!»

Из выступления Владимира Маяковского 15 октября 1927 года на диспуте «Пути и политика Совкино».

Сначала – финал

Их было двое в комнате-лодочке. Оба – одного и того же роста и возраста, одинаково одетые и обутые, похожие друг на друга, как две капли воды, и неразлучные, как сиамские близнецы.

И им было тесно. В этой необъятной стране. И в этой сумбурно-взбудораженной жизни. Они давно мешали друг другу, и каждый понимал, что кто-то должен отойти в сторону, уступить место другому, навсегда исчезнув с лица земли.

Уже было написано прощальное письмо, в котором прямо говорилось, что выходов из сложившейся ситуации нет. Два дня это послание носилось в кармане.

И вот одна рука решительно оторвала два листочка календаря. Другая достала из ящика стола пистолет. В его обойме был только один патрон. Затем пистолетный ствол был резко повернут к сердцу.

На какое-то мгновение повисла томительная пауза.

Потом прогремел выстрел.

И высокий мужчина средних лет в жёлтой рубашке с чёрным галстуком-бабочкой, в шерстяных коричневых брюках и в жёлтых полуботинках грузно рухнул на пол.

Часы показывали четверть одиннадцатого утра.

На календаре бесстрастно застыла дата завтрашнего дня – 15 апреля 1930 года.

Через какое-то время к распластанному на полу «комнаты-лодочки» бездыханному телу примчались сотрудники ОГПУ – благо их ведомство находилось через дорогу. А на следующий день на пятой странице «Правды», главной газеты страны Советов, был помещён портрет поэта Владимира Маяковского в траурной рамке. Ниже размещался некролог «Памяти друга», подписанный двадцатью семью скорбевшими. Список начинался и заканчивался фамилиями гепеушников, занимавших в своем управлении ответственные посты.

Вот тогда-то и возник вопрос: откуда оно – столь пристальное внимание со стороны «чрезвычайных органов» к почившему поэту?

Впрочем, кто сказал, что Лубянку интересовал **стихотворец** Маяковский?

Да, лишивший себя жизни гражданин Советского Союза сочинял стихи, поэмы, писал пьесы и рифмованные лозунги-агитки. Но в остальное время он занимался делами, которые к литературе не имели никакого отношения. Эта («остальная») часть жизни огласке не придавалась – подобное умолчание объяснялось тем, что это, дескать, ещё не «отстоялось словом».

Лишь во вступлении к поэме «Во весь голос», написанной незадолго до рокового выстрела, поэт неожиданно признался в том, что у него, кроме поэтической, существует ещё одна сфера деятельности, которой приходится отдавать силы и время.

Вспомним эти строки, в своё время тысячи раз читанные, перечитанные и даже заученные наизусть! Они таят в себе необыкновенно откровенную информацию:

*«Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушёл на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной».*

На что намекал поэт, перечисляя свои профессии, внешне довольно схожие, но всё же не очень совместимые?

Обоими делами ему поручила заниматься революция. Но на одно он был «мобилизован», то есть брошен по принуждению, как бы насильно, а на другое – «призван», то есть пошёл исполнять его добровольно, по велению души и сердца.

Загадочная раздвоенность

В черновиках поэмы «Во весь голос» сохранился вариант: *«ассенизатор и бомбовоз»*.

Что это за «бомбы» такие? И куда возил их «мобилизованный» и «призванный» Маяковский?

В том же вступлении к поэме без всяких обиняков сказано, что эти загадочные «бомбы» предназначались для некоего «фронта», куда он и отправился, отринув в сторону «капризную бабу» — поэзию. И пока другие стихотворцы беспечно *«мандолинят из-под стен»*, поэт Маяковский сражается в многочисленных битвах, порою становясь (на войне, как на войне!) *«на горло собственной песне»*.

Однако «капризная» поэтическая «баба» всё равно требовала к себе пристального внимания, и приходилось раздваиваться, то становясь *«ассенизатором»*, то принимая облик *«водо-воза-бомбовоза»*.

От *«товарищей потомков»* поэт решил ничего не скрывать и предельно откровенно предстал перед ними в двух ипостасях сразу, назвав себя сдвоенным прозвищем — *«горланом-главарём»*. Тем самым он как бы подбросил грядущим поколениям непростую головоломку: дескать, попробуйте отгадать, где и когда я — *«горлан»*, а где и когда — *«главарь»*?

А современники Маяковского понимали смысл той загадочной иносказательности? Догадывались ли они, о каком таком «фронте» идёт речь в поэме, читавшейся им *«во весь голос»*?

Понимали. Во всяком случае, о многом догадывались. Но своими догадками делиться с другими не спешили.

Поэтесса Анна Андреевна Ахматова о странной многоликости Маяковского писала с большой осторожностью:

«... он <...> бывал и тёмн, и двуличен и неискренен».

Художник Юрий Павлович Анненков высказался чуть определённое:

«Писать о Маяковском трудно, он представлял собою редкий пример человеческой раздвоенности. Маяковский-поэт шёл рядом с Маяковским-человеком, почти не соприкасаясь друг с другом. С течением времени это ощущение становилось настолько реальным, что, разговаривая с Маяковским, я не раз искал глазами другого собеседника».

Даже в опубликованных в советское время (то есть самым тщательнейшим образом отредактированных) биографиях *«лучшего, талантливейшего поэта»* то и дело возникает образ *«другого»* Маяковского, встречаются нестыковки, несоответствия и прочие «тёмные» места и неразгаданные загадки.

Два десятилетия тому назад журналиста Валентина Ивановича Скорятина изумило утверждение кинорежиссёра Василия Васильевича Катаняна, заявившего:

«Известны все обстоятельства гибели Маяковского».

Скорятин в недоумении спрашивал:

«Неужели все? А вдруг кое-что ещё неизвестно, а то, что известно, можно прочитать сейчас иначе?... Не лучше ли будет для дела, если мы спокойно и непредвзято разберёмся в давней трагедии?»

Предложение дельное и вполне логичное. Тем более что и Светлана Ефимовна Стрижнева, директор Государственного музея В.В.Маяковского, опубликовавшего следственное дело поэта, написала:

«... в истории самого дела много тёмных мест, высветить которые предстоит специалистам — историкам и литературоведам».

А сохранился ли ключ к этим таинственным секретам?

Должен сохраниться! Ведь в благоговейной тиши архивов лежат груды документов, способных разъяснить многое. Но знакомство с ними...

«... может оказаться шагом в бездну. Правда жестока!»

Именно так пророчески предупреждал Валентин Скорятин, один из тех, кто достаточно скрупулёзно изучал житие Маяковского.

Но какая именно «бездна» имелаась в виду? Что за «жестокая правда» могла заставить чекистов бросить все дела и примчаться в комнату расставшегося с жизнью поэта?

Многие годы ища ответы на эти вопросы, неутомимый маяковсковед из Швеции Бенгт Янгфельдт в одной из своих книг высказал осторожное предположение:

«Не знал ли он слишком много, и, если да, может быть, существовали компрометирующие документы, которые следовало уничтожить?»

Российский писатель Аркадий Иосифович Ваксберг, тоже писавший о Маяковском и о времени, в котором он жил, причину внезапного появления в комнате-лодочке высокопоставленных чекистов объяснял так:

«Искали, может быть, не компромат, а сведения, не подлежащие оглашению, следы чего-то такого, откуда "выходов нет". <...> Главное, что-то искали, притом искали торопливо. Это явствует из всех источников, которыми мы располагаем».

Желающих докопаться до истины в этой детективной истории всегда было достаточно. И самых разных версий выдвигалось тоже немало.

Ещё в 1958 году вышел 65-ый том «Литературного наследства», целиком посвящённый Маяковскому. Но его выпуск был объявлен политической ошибкой, и книгу изъяли из магазинов и библиотек. Набор готовившегося к публикации 66-го тома, тоже составленного из документов, имевших отношение к поэту революции, было приказано рассыпать.

Что же было в тех «ошибочных» томах?

В них публиковалось подробное расследование, которое назвалось «Участие Маяковского в революционном движении». Оно и содержало коварные «ошибки», которые до широкой общественности допускать не следовало. К счастью, не все изъяты из обращения тома уничтожили. Немало новых фактов стало известно только сейчас. И если внимательно вчитаться во вновь открытое, сопоставив его с тем, что было известно раньше, то могут появиться достаточно интересные выводы.

И ещё. О многих событиях и людях 20-х и 30-х годов прошлого века в советскую пору говорить было нельзя. Видимо, поэтому в центре внимания исследователей жизни и творчества Маяковского оказались его отношения с семейством Бриков. На эту тему писались статьи, защищались диссертации, публиковались книги. Поэтому те эпизоды из жизни поэта, которые хорошо изучены и достаточно подробно освещены его многочисленными биографами, мы так и оставим в их описаниях. То есть всё, что уже опубликовано о поэте, мы *с огромной благодарностью к опубликовавшим* просто процитируем.

А в нашем расследовании (договоримся об этом сразу) нас в первую очередь будут интересовать не только *слова*, которые произносил советский гражданин Владимир Маяковский, не только *стихи* и *пьесы* поэта и драматурга Маяковского, но и *дела*, которые в течение своей не слишком продолжительной творческой жизни совершал наш знаменитый соотечественник.

Ведь как она складывалась – творческая составляющая прожитых им лет?

Примерно в 16 лет он стал сочинять стихи.

Через 26 лет был провозглашён *«лучшим, талантливейшим поэтом... советской эпохи»*.

Прошло ещё 23 года, и в Москве на Триумфальной площади ему установили памятник, а площадь назвали его именем.

Но наступил XXI век, и поэта, чей монумент продолжает гордо возвышаться в центре российской столицы, тихо исключили из школьных программ и почти перестали вспоминать о нём. И теперь мало кто из нынешних молодых людей знает, что жил...

«... такой

*певец кипячёной
и ярый враг воды сырой».*

Впрочем, живущие ныне россияне довольно основательно подзабыли не только поэта Маяковского, но и многое из того, что происходило когда-то в царской России и в Советском Союзе. Видимо, предчувствуя, что всё произойдет именно так, поэт напрямую обратился к *«товарищам потомкам»* и заявил им:

*«Я сам расскажу
о времени
и о себе».*

Обратим внимание, рассказ о времени поставлен на первое место! Поэтому и мы, повествуя о жизненном пути нашего героя, будем время от времени добавлять в свой рассказ некоторые важные исторические факты и фрагменты биографий его соотечественников.

Итак, приступим.

Попробуем посмотреть на Владимира Маяковского взглядом, не замутнённым предвзятостями и традицией. Попытаемся разобраться в его жизни, полной неясностей и загадок, не дожидаясь появления сенсационных архивных откровений. А заодно рассмотрим, какое вообще место в жизни людей занимает поэзия, влияет ли она на эту жизнь, и меняют ли (хоть как-то) наше существование те, кто считает себя поэтами.

Часть первая Освоение бунтарства

Глава первая Начало биографии

Год рождения

Владимир Маяковский родился в удивительную эпоху – всё цивилизованное человечество находилось в озарении всполохов революционных пожаров, полыхавших во Франции и в некоторых других европейских странах. Там то и дело гремели выстрелы и взрывы, строились баррикады, свержались правительства, и рекой лилась человеческая кровь.

Сначала (в самый канун XIX века) всех изумила Франция, в которой вспыхнула революция, начавшаяся с того, что 14 июля 1789 года народ штурмом взял парижскую тюрьму Бастилию. Ровно через шесть лет – 14 июля 1795 года – революционный Конвент утвердил новый гимн страны – им стала «Марсельеза», песня, которую уже три года распевали французы:

*«Вставайте, сыны Отечества!
Настал день славы!
Против нас поднят
Кровавый флаг тирании...»*

*К оружию, граждане!
Простройтесь в батальоны!
Идём, идём!..»*

В феврале 1848 года парижане с революционной «Марсельезой» на устах вновь вышли на улицы, и огонь новых бунтов стремительно распространился по Германии, Австро-Венгрии и Италии.

В марте 1871 года Париж снова потряс взрыв недовольства, опять весь город запел «Вставайте, сыны Отечества!», и власть в столице Франции на 72 дня перешла к Парижской коммуне.

Чего добивались неустрашимые повстанцы?

Они жаждали свободы, требовали установления гражданских прав и социального равенства, и потому объявляли тиранов и поработителей всех мастей вне закона. Обитатели европейских дворцов поёживались и трепетали от страшных предчувствий – ведь от любой случайной «искры», прилетевшей из объята бунтом страны, и их родовое гнездо могло охватить всеистребляющее революционное пламя.

Но до тех краёв, где предстояло родиться нашему герою, этот могучий мятежный вихрь не долетал – Маяковские жили в тихом уголке России, в Грузии, в Кутаисской губернии, в небольшом селении, которое называлось Багдады.

Мать будущего поэта, назвав место проживания своей семьи на более поздний, советский лад – Багдади, годы спустя рассказала, что пугало тогда её и детей:

«В то время Багдади было глухим селом. Там не было ни школ, ни учителей, ни врачей...»

Дома в Багдади окружены садами, виноградниками, огородами. А дальше – горы и леса. Лес был от нашего дома очень близко, а дома построены на большом расстоянии друг от друга. Соседей близко не было.

К дому подкрадывались шакалы. Они ходили большими стаями и визгливо завывали. Вой их был страшен и неприятен. Я тоже здесь впервые услышала этот дикий с надрывом вой. Дети не спали – боялись, а я их успокаивала:

– Не бойтесь, у нас хорошие собаки и близко их не подпустят».

Вот тогда в семье Маяковских и родился мальчик.

Его мать вспоминала:

«Володя родился в день рождения отца – 7 июля (по новому стилю – 19 июля) 1893 года, – поэтому его и назвали Владимиром».

29 лет спустя, начав писать автобиографию («Я сам»), Владимир Маяковский сразу же предупредил читателей:

«Лица и даты не запоминаю... Поэтому свободно плаваю по своей хронологии».

Первую дату этой «хронологии» он назвал не очень уверенно:

«Родился 7 июля 1894 года (или 93 – мнение мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше)».

Одной из его сестёр запомнились слова отца по поводу этого «расхождения»:

«У детей есть метрические свидетельства, а это самое главное».

Сохранился и другой (не менее «главный») «свидетель» — метрическая книга Сакондзевской Георгиевской церкви за 1893 год. В ней записано:

«...родился седьмого... июля Владимир; родители его: дворянин Владимир Константинович Маяковский и законная жена его Александра Алексеевна...».

Когда этот мальчик вырос и стал взрослым мужчиной, он продолжал упорно придерживаться данных «*послужного списка отца*». К примеру, заполняя в 1920 году анкету для лиц, получающих академический паёк, написал:

«Родился <в> 1894 году».

Приехав весной 1927 года в Прагу и давая интервью корреспонденту газеты «Прагер пресс», утверждал:

«Родился я в 1894 году на Кавказе».

Выступая 27 марта 1930 года на диспуте в Доме печати, заявил:

«Товарищи, я существую 35 лет физическим своим существованием...».

А было ему в тот момент 36 лет и 8 месяцев.

Но в поэме «Облако в штанах», изданной в 1915 году, возраст указан удивительно точно – «*двадцатидвухлетний*». Получается, что в последние годы своей жизни наш герой явно стремился к тому, чтоб хоть на чуточку выглядеть моложе своего возраста.

Ближайшие родные

В автобиографических заметках «Я сам» свою семью Маяковский представил так:

«Отец: Владимир Константинович (багдадский лесничий)...

Мама: Александра Алексеевна.

Сёстры: а) Люда

б) Оля».

Немного подробнее родителей охарактеризовала их дочь Людмила:

«Отец, Владимир Константинович, лесничий; высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, зачёсанными набок, с чёрной бородой, загорелым, подвижным, выразительным лицом.

Огромный грудной бас, который целиком передался Володе. Движения быстрые, решительные. Весёлый, приветливый, впечатлительный. Настроения сменялись часто и резко. Отец обладал большим темпераментом, большой и глубокой силой чувства к детям – своим, чужим, к родным, к животным, к природе... Отец был слит с природой, он любил и понимал её всем своим существом.

Служба лесничего опасная, а тем более на Кавказе...

Вспоминается такой случай: отец шёл, беседуя с обходчиком, потом оба замолкли. Через некоторое время отец обернулся к спутнику, но его уже не было – он провалился в пропасть...

Отец легко находил тему для разговора с каждым. Хорошо владея речью, он пересытал её пословицами, прибаутками, остротами. Знал бесчисленное множество забавных случаев и анекдотов и передавал их на русском, грузинском, армянском, татарском языках, которые знал в совершенстве.

Мама – Александра Алексеевна – среднего роста. Глаза карие, серьёзные, смотрит немного исподлобья. Довольно высокий лоб, нижняя часть лица немного выдаётся вперёд. Волосы каштановые, всегда зачёсаны гладко. Лицом Володя похож на мать, а сложением, манерами – на отца...

Своим характером и внутренним тактом мама нейтрализовала вспыльчивость, горячность отца, его смены настроений и тем создавала самые благоприятные условия для общей семейной жизни и воспитания детей. За всю жизнь мы, дети, ни разу не слышали не только ругани, но даже резкого, повышенного тона».

Владимир Константинович Маяковский имел гражданский чин коллежского асессора, а это означало, что, обращаясь к нему, надо было говорить «ваши высокоблагородие».

По семейному преданию, свою фамилию предки Маяковских получили за то, что обладали могучей силой и высоким ростом. А происходил их род от запорожских казаков. Как известно, казаками на Руси называли беглых людей, искавших воли в бескрайних степях юга страны. В семье очень гордились своим родством с запорожцами.

По материнской линии в роду Володи тоже были казаки, но кубанские, девичья фамилия матери – Павленко.

Малышу исполнился год и пять месяцев, когда в крымской Ливадии скончался царь Александр Третий. Случилось это осенью 1894 года. 20 октября страну возглавил Великий князь Николай Александрович, которого стали именовать Николаем Вторым, новым (14-ым по счёту) российским императором.

Немного истории

Революционные идеи, в течение целого века будоражившие Европу, проникали и в Российскую империю. Эти мятежные веяния добавлялись к крамольным мыслям свободолюбивого толка, которые возникали в умах российских писателей и поэтов (Радищева, Пушкина, Герцена, Чернышевского), и превращались в бунтарские строки их сочинений.

Сеятелей крамолы власть беспощадно преследовала, сажая их в тюрьмы, ссылая в глухие дальние места, отправляя на каторгу. Но бунтарей от этого меньше не становилось.

Даже когда 19 февраля 1861 года царь Александр Второй подписал высочайший Манифест «О Всемилоштивейшем даровании крепостным людям состояния свободных сельских обывателей», предоставлявший российским крестьянам волю, ряды мятежно настроенных людей всё равно продолжали множиться. А 28 августа 1879 года Исполнительный комитет тайной антиправительственной партии «Народная воля» и вовсе приговорил императора-освободителя к смертной казни.

За царём началась охота.

1 марта 1881 года в Санкт-Петербурге на набережной Екатерининского канала около 2 часов 25 минут пополудни народоволец Игнатий Иоахимович Гриневицкий бросил под ноги императору бомбу. Оба – террорист и его жертва – от ран, полученных в результате взрыва, в тот же день скончались.

4 марта петербургская газета «Русь» горестно восклицала:

«Царь убит!.. Русский царь, у себя в России, в своей столице, зверски, варварски, на глазах всех – русскою же рукою... Позор, позор нашей стране!.. Пусть же жгучая боль стыда и горя проникнет в нашу землю из конца в конец, и содрогнётся в ней ужасом, скорбью, гневом негодования вся душа!»

Откликаясь на эту трагедию, Московская городская дума приняла постановление, в котором говорилось:

«Свершилось событие неслыханное и ужасающее: русский царь, освободитель народов, пал жертвою шайки злодеев среди многомиллионного, беззаветно преданного ему народа. Несколько людей, порождение мрака и крамолы, осмелились святотатственной рукою посягнуть на вековое предание великой земли, запятнать её историю, знамя которой есть Русский Царь!»

На жестокий террор мятежных бунтарей власть ответила не менее жестоко – всех, кто был замешан в совершении террористических актов, стали приговаривать к смертной казни через повешение. Полиция и жандармерия получили право производить обыски в любое время суток и задерживать людей на основании малейшего подозрения.

Но революционно настроенных молодых людей это не испугало. И в декабре 1886 года группа народовольцев, одним из вожakov которой был двадцатилетний студент Петербургского университета Александр Ильич Ульянов, создала особую «Террористическую фракцию». В качестве первой жертвы молодые «бомбисты» избрали императора Александра Третьего. Он был не просто приговорён к смерти, его планировали убить в шестую годовщину рокового покушения на его отца, Александра Второго – 1 марта 1887 года.

В этот день, взяв заранее изготовленные бомбы, бесстрашные террористы вышли на Невский проспект и принялись ждать появления императорского кортежа. Однако Охранное отделение сработало очень чётко – все 15 участников готовившегося покушения были арестованы. Семерых вожakov (в том числе и Александра Ульянова) по приговору суда повесили, остальных на разные сроки отправили в Сибирь.

Ликвидация «Террористической фракции» поставила крест на самом существовании партии «Народная воля» – с марта 1887 года этой революционной организации в России уже не существовало.

Но, как известно, свято место пусто не бывает, и среди российской интеллигенции стали стремительно распространяться идеи германского философа-бунтаря Карла Маркса. Младший брат казнённого Александра Ульянова – Владимир – тоже стал марксистом. В начале 90-х годов XIX века он тихо жил в провинциальном городе Самаре и работал в скромной должности помощника присяжного поверенного.

В это время в Закавказье подрастал никому неизвестный юноша, которого звали Иосиф Джугашвили. Родился он в грузинском городе Гори. По официальной версии случилось это 9 декабря 1879 года, но в метрической книге Горийской Успенской соборной церкви, в которой регистрировали всех родившихся, стоит другая дата: 6 декабря 1878 года. Однако началом своего жизненного пути Иосиф Джугашвили до конца дней своих считал 21 декабря 1879 года (по новому стилю), явно желая выглядеть в глазах современников на год моложе.

В 1893 году он закончил третий класс Горийского духовного училища, в котором был одним из лучших учеников. Его мать, Екатерина Георгиевна Джугашвили, мечтала, чтобы её сын стал священником. Но Иосиф неожиданно принялся с увлечением сочинять стихи.

В этот момент маленький Володя Маяковский, живший в другом грузинском селении (Багдады), ещё даже говорить не умел.

Детские годы

Давая в 1927 году интервью чехословацкой газете «Прагер пресс», Владимир Маяковский сказал, на каком языке он заговорил:

«Первый язык – грузинский».

Александра Алексеевна Маяковская:

«В Багдади все жители были грузины, и только одна наша семья – русская. Дети играли с соседскими детьми и учились грузинскому языку. Оля подружилась с девочкой Наташей Шарашидзе. Они разговаривали по-грузински, и от них выучился грузинскому языку Володя».

Ольга Маяковская:

«Мы с братом дружили с крестьянскими детьми, разговаривали с ними по-грузински и вместе изобретали разные игры».

Соседи удивлялись этому и, по словам Александры Алексеевны...

«Они говорили: "Русские дети, а как хорошо говорят по-грузински!" – и угощали их виноградом».

Житель города Кутаиса Исидор Морчадзе, встретившийся с семьёй Маяковских чуть позднее, даже русскими их не мог назвать:

«Так хорошо все говорили по-грузински, что я лично считал их грузинской семьёй».

Другой кутаисец, Владимир Джапаридзе, оставил такие воспоминания:

«Хочется здесь отметить ещё одну характерную черту семьи Маяковских, а именно вот что: они хорошо говорили по-грузински. Но Володя особенно. Достиг он этого, вероятно, ещё с детства, играя с сельскими ребятами и беседуя с объездчиками и крестьянами, или бывая с отцом в его поездках по лесничеству. И вообще он был очень способный мальчик. Когда я в Кутаиси слышал его ещё детскую грузинскую речь, мне оставалось только удивляться чистоте его произношения, а слова А.И.Герцена, что "мы, русские, говорим на всех языках, кроме иностранных", намекая на неправильное произношение, к нему оказались бы совершенно неприменимыми».

Людмила Маяковская:

«Условия жизни в Багдади были трудные. У нас почти не было ни нянь, не говоря уже о боннах и гувернантках. С утра до вечера мы жили в трудовой, полной забот обстановке».

Александра Алексеевна Маяковская:

«Работать мне приходилось много: от раннего утра до позднего вечера. Нужно было заботиться о детях, поддерживать чистоту, давать образование, воспитывать. Нужно было внимательно следить, чтобы у детей не появлялись плохие черты характера и привычки. Я старалась направлять их на лучший путь, терпеливо и спокойно объясняла им всё, оберегала от плохих влияний».

Александра Алексеевна, к сожалению, не уточнила, куда должен был вести этот «лучший путь», по которому она «старалась направлять» своих детей. А ведь искателей лучшего в те беспокойные времена было предостаточно. Один из них был совсем молодым ещё человеком. Жил он, как и младший брат казнённого народовольца Ульянова, в далёком от села Багдады городе Самаре и сочинял рассказы, в которых воспевались люди, нестроенные в жизни, босяки. У него даже была написана поэма «Песнь старого дуба», в которой говорилось:

«Я в мир пришёл, чтобы не соглашаться».

Автора этой «Песни» звали Алексей Максимович Пешков. С чем именно не хотелось ему соглашаться, неизвестно – поэму свою, так нигде не опубликовав, он уничтожил. Но 5 марта 1895 года напечатал в «Самарской газете» (под псевдонимом Максим Горький) другую поэму – «Песню о Соколе», в которой прославлялся крылатый герой, погибший в борьбе за свободу:

«О, смелый Сокол!.. Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, примером гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поём мы песню!»

О том, что за «Сокол» воспевался в этой «Песне», в те годы никому растолковывать было не нужно. Все понимали, что речь идет о «смелых и сильных духом» храбрецах, совершавших террористические акты и гордо шедших на эшафот во имя свободы.

Вряд ли эти смелые и гордые строки долетели тогда до грузинского села Багдады – «Самарскую газету» читали только в Поволжье.

И газету «Иверия», выходившую в Тифлисе под редакцией князя Ильи Григорьевича Чавчавадзе (писателя и поэта), семья Маяковских тоже вряд ли выписывала. А на первой странице этой газеты 14 июня 1895 года было напечатано стихотворение «Дила» («Утро»), в котором не было призывов к мятежу, к бунту – в нём воспевалась природа:

*«Раскрылся розовый бутон,
Прильнул к фиалке голубой,
И, легким ветром пробуждён,
Склонился ландыш над травой..»*

Под стихотворением стояла подпись – И.Джугашвили. Юный поэт к тому времени с отличием окончил Горийское духовное училище и поступил в Тифлисскую духовную семинарию.

Дети багдадского лесничего природу тоже любили. Их мать вспоминала:

«Володя и Оля любили ходить в горы, в лес, купаться в речке, особенно любили бывать на водяных мельницах. Там они смотрели, как крестьяне мелют кукурузное зерно, как водопадом, с шумом, спадает вода. Знакомились и разговаривали по-грузински с крестьянами и их детьми...»

Володя бросал камни в воду и обычно говорил:

– Я левой рукой бросаю, а они дальше летят...

В раннем детстве он больше владел левой рукой, а когда подрос – одинаково правой и левой».

Как известно, в политике (со времён Великой Французской революции) «левыми» называют тех, кто придерживается революционно-радикальных взглядов, а «правыми» — консерваторов и реакционеров. Поэтому высказывание матери Маяковского можно принять как свидетельство того, что у её сына с раннего детства был характер бунтаря.

А каких взглядов придерживались его родители?

Бунтарское наследство

О политических пристрастиях родителей Володи Маяковского его биографы не сообщают. Или говорят, что достоверных сведений на этот счёт нет.

Обратимся к свидетельствам косвенным.

В «Я сам» есть главка, она называется «1-е ВОСПОМИНАНИЕ». В ней сказано:

«Зима... Отец ходит и поёт своё всегдашнее "алон занфан де ля по четыре"».

Сестра Людмила разъяснила:

«Отец любил петь по-французски "Марсельезу"...: "Attons, enfants de la patrie!" Дети с удивлением смотрели на отца, не понимая, что он поёт. Тогда он начинал петь "Алон занфан де ля по четыре" и спрашивал: "Ну, а теперь понятно?"».

Песня, которую пел Владимир Константинович Маяковский, в ту пору давно уже считалась гимном революционеров всех мастей. 1 июля 1875 года в двенадцатом номере выходившего в Лондоне эмигрантского журнала «Вперёд» появился русский текст «Марсельезы» под названием «Новая песня» (чуть позднее её назовут «Рабочей Марсельезой»). Автором стихов был соратник Карла Маркса и Фридриха Энгельса, член I Интернационала и один из идеологов народовольчества, Пётр Лаврович Лавров. В его трактовке революционный гимн звучал так:

*«Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног!
Нам не нужно золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог!»*

*Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Иди на врага, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!
Вперёд, вперёд, вперёд, вперёд!»*

В «Песне» Лаврова впервые звучал призыв к свержению самодержавия в России. Поэт Александр Блок впоследствии упомянул об этом тексте среди прочих *«прескверных стихов, корнями вросших в русское сердце»*, которые *«не вырвешь иначе, как с кровью»*.

Знал ли Владимир Константинович Маяковский эти мятежные слова? Об этом до наших дней никаких свидетельств не дошло. Мы можем только предположить, что багдадский лесничий пел эту песню по-французски не из-за того, что не знал русских слов, а по конспиративным соображениям.

Таким образом, получается, что одной из первых песен, которую запомнил юный Володя Маяковский, был гимн европейских революционеров – тот самый, что *«всегдашине»* напевал его отец.

Ещё один отрывок из *«1-го ВОСПОМИНАНИЯ»*:

«Отец выписал журнал "Родина". У "Родины" "юмористическое" приложение. О смешных говорят и ждуют».

Сестра Людмила разъяснила:

«... ждали журнал "Родина", где печатались карикатуры, шарады, игры. Но журнал, как оказалось, был реакционного направления, и мы больше его не выписывали».

Историю с «Родиной» можно рассматривать как дополнительное косвенное свидетельство того, что *«реакционное»* в семье Маяковских не любили. Но тогда выходит, что приветствовали только революционное?

Не говорит ли это о том, что в молодости родители Владимира Маяковского принимали участие в каком-то антиправительственном движении, к примеру, состояли в той же партии «Народная воля»? Мятежным духом они явно были переполнены. И своим детям его передавали. В этом убеждают и автобиографические заметки их сына. В главке *«2-е ВОСПОМИНАНИЕ»*, начинающейся со слов *«Понятия поэтические»*, речь идёт о пушкинской поэме, которая названа одним словом – *«Евгенионегин»*. Сестра Людмила уточняет:

«Мы тогда очень увлекались стихами, особенно Пушкиным и его "Евгением Онегиным". Читали, учили наизусть, рисовали иллюстрации к роману».

В главке *«ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ»* упоминается другой российский поэт:

«Отец хвастается моей памятью. Ко всем именинам меня заставляют заучивать стихи. Помню – специально для папиных именин:

*Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор...»*

Александра Алексеевна Маяковская:

«7 июля 1898 года Володе исполнилось пять лет, он получил много подарков. К этому дню Володя выучил стихотворение М.Ю. Лермонтова "Спор", хорошо и очень выразительно прочитал его наизусть – конечно, не до конца, однако довольно много строф для пятилетнего мальчика...

Володино чтение хвалили».

Спорят у Лермонтова две горы – Эльбрус и Казбек. Они выясняют, кто завоюет Кавказ. Внезапно до спорщиков доносится шум – это напомнил о себе *«север тёмный»*:

*«От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигаются полки...
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамёны,
В барабаны бьют...
И испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведёт, грозя очами,
Генерал седой».*

В стихотворении описана русская армия, двинувшаяся под командованием генерала Алексея Петровича Ермолова на завоевание Кавказа. Этот поход Лермонтов не воспекает, скорее, осуждает. Ведь заканчивается его рассказ тем, что *«Казбек угрюмый»* посчитал русские полки своими *«врагами»*:

*«Грустным взором он окинул
Племя гор своих
Шапку на брови надвинул
И навек затих».*

Но именно это стихотворение Маяковский-старший *«заставлял заучивать»* сына. Зачем?

Не для того ли, чтобы с ранних лет приучить мальчугана относиться к любой захватнической политике с осуждением? Возможно, так оно и было. Особенно если учесть явное благорасположение Владимира Константиновича к революционной *«Марсельезе»*.

Но...

Открыто делиться своими раздумьями было тогда опасно. И очень многое из того, что произносилось вслух, не отражало мировоззрения говорившего. Поэтому у россиян и возникла непреодолимая тяга к иносказаниям.

НОВЫЙ СТИЛЬ

Родившийся в 1853 году поэт и философ Владимир Сергеевич Соловьёв своих читателей прямо предупреждал:

*«Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?»*

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искажённый
Торжествующих созвучий?»*

В другом его стихотворении говорилось, вроде бы, о сне. Но между строк можно было прочесть и горестные сетования автора на невыносимость существования, когда тебя окружает сонм сыщиков-филёров:

*«Какой тяжёлый сон! В толпе немых видений,
Теснящихся и реющих кругом,
Напрасно я ищу той благородной тени,
Что тронула меня своим крылом».*

Ещё один российский поэт Дмитрий Сергеевич Мережковский в стихотворении «На распутье», написанном в 1883-ем, восклицал:

*«Мне не надо лживых примирений,
Я от грозной правды не бегу;
Пусть погибну жертвою сомнений,
Пред собой ни в чём я не солгу!»*

*Испытав весь ужас отрицанья,
До конца свободы не отдам,
И последний крик негодованья
Я, как вызов, брошу небесам!»*

Склонные к бунту россияне искали новый способ выражения своих мыслей и новую манеру их изложения. Не случайно фраза, высказанная Дмитрием Мережковским, стала крылатой:

«Лишь постольку мы люди, поскольку бунтуем».

Вот почему манифест Жана Мореаса (Иоаннеса Пападиамантопулоса), появившийся 18 сентября 1886 года в парижской газете «Le Figaro» и провозгласивший новое поэтическое направление (*символизм*), россияне встретили не только с пониманием, но и с восторгом. Ведь Мореас, считавший себя и своих соратников-стихотворцев последователями Шарля Бодлера, Поля Верлена и особенно бунтаря Артюра Рембо, восстававшего против всех поэтических канонов, в своём манифесте писал:

«Символистскому синтезу должен соответствовать особый, первозданно-широко-охватный стиль, отсюда непривычные словообразования, периоды то неуклюже-тяжеловесные, то пленительно-гибкие, многозначительные повторы, таинственные умолчания, неожиданная недоговорённость – всё дерзко и образно...».

Молодые российские поэты и художники восприняли новое течение в искусстве «на ура!» – ведь с его помощью вместо понятных всем слов можно было употреблять аллегории, намёки и символы. Причудливая словесная форма позволяла скрывать подлинное мировоззрение и сокровенные мысли. И символистами объявили себя многие стихотворцы.

Но эту поэтическую новизну российская публика приняла далеко не сразу и поначалу встретила их стихи откровенными насмешками. Поэтому неудивительно, что и в семье Маяковских на творчество поэтов-бунтарей внимания не обратили. А подраставшее поколение «заставляли заучивать» проверенные временем стихи классиков.

Как бы там ни было, но после знакомства с «понятиями поэтическими» юный Маяковский узнал, что такое «поэтичность», и, по его же собственным словам...

«...стал тихо её ненавидеть».

Ничего не скажешь – интересное начало для будущего поэта!

Конец века

В России в ту пору начали возникать новые революционные организации. 1 марта 1898 года на конспиративной квартире в городе Минске собрались девять бунтарски настроенных молодых людей, которые приехали из разных городов для того, чтобы создать Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию.

Поскольку тогдашние ряды революционеров-подпольщиков кишмя кишели агентами Охранного отделения, жандармы тут же принялись действовать. Восемь из девяти делегатов-учредителей, а также многие другие бунтари оказались за решёткой.

Жандармский офицер Александр Иванович Спиридович впоследствии писал:

«Целыми вагонами возили арестованных в Москву».

А жизнь не спеша двигалась дальше. Александра Алексеевна Маяковская писала:

«В 1899 году мы поселились в каменном доме. Место это, где был расположен дом, называлось "крепостью", но от старинной крепости остался только вал вокруг дома и ров, заросший кустарником».

Наша квартира находилась в верхнем этаже, а в нижнем был подвал хозяина, где приготавливали и хранили вино...

Во двор выставляли пустые кувшины для хранения вина – в Грузии их называют чури, – такие большие, что в них свободно помещался рабочий, чистивший и промывавший эти кувшины».

Когда эти чури лежали на земле боком, в них залезал Володя и говорил сестре:

– Оля, отойди подальше и послушай, хорошо ли звучит мой голос.

Он читал стихотворение "Был суров король дон Педро..." Чтение получалось звучное и громкое».

Словами «Был суров король дон Педро» начиналось стихотворение Аполлона Николаевича Майкова «Пастух (испанская легенда)»:

«Был суров король дон Педро;

Трепетал его народ,

А придворные дрожали,

Только усом поведёт.

*"Я люблю, – твердил он, – правду,
Вид открытый, смелый взор".
Только правды (вот ведь странность!)
Пуще лжи боялся двор».*

Мальчик-пастух, которого дон Педро встретил на охоте, лихо ответил на самые головоломные его вопросы, и был за это взят в королевские пажи.

Обратим внимание, что стихотворение, выученное шестилетним мальчуганом, неназойливо подсказывало ему, как следует поступать, чтобы добиться своего, когда имеешь дело с теми, в чьих руках власть.

Самому Володе их новый дом-крепость запомнился таким («Я сам»):

«Первый дом, воспоминаемый отчётливо. Два этажа. Верхний – наш. Нижний – винный заводик. Раз в году – арбы винограда. Давили. Я ел. Они пили. Всё это территория стариннейшей грузинской крепости под Багдадами. Крепость очетыреугольнивается крепостным валом. В углах валов – накаты для пушек. В валах бойницы. За валами рвы. За рвами леса и шакалы. Над лесами горы. Подрос. Бегал на самую высокую. Снижаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось – это Россия. Тянуло туда невероятнейшие.»

Земляку Володи Маяковского, Иосифу Джугашвили, в июле 1898 года вновь улыбнулась фортуна – журнал «Квали» («Борозда») опубликовал два его стихотворения. А в апреле 1899-го в сборнике, посвящённом князю Рафаэлу Давидовичу Эристави (он отмечал своё 75-летие), наряду с произведениями классиков грузинской литературы и речами видных общественных деятелей было напечатано и стихотворение Иосифа.

В том же году в городе Тифлисе вышла книга Мелитона Спиридоновича Келенджеридзе «Теория словесности с разбором примерных литературных образцов». В ней подробно рассматривались лучшие произведения классиков грузинской поэзии (Шота Руставели, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и других). Среди них – на 93 и 94 страницах – можно было прочесть два стихотворения Джугашвили, подписанных псевдонимом Сосело.

Стихотворение Иосифа «Утро» грузинский педагог Якоб Семёнович Гогешавили включил в свой учебник для начальных классов «Дэда Эна» («Родное слово»), и оно на много лет стало любимейшим стихотворением грузинской детворы:

*«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учёбою, друзья,
Прославьте родину свою!»*

Однако у самого автора этих строк дальнейшая учёба не заладилась – 29 мая 1899 года из духовной семинарии его исключили – «за неявку на экзамены по неизвестной причине». Почему на самом деле он не пришёл сдавать экзамены, так и осталось невыясненным.

Пришла пора учиться грамоте и Володе Маяковскому. Александра Алексеевна Маяковская:

«Читать по азбуке Володю никто не учил. Неожиданно для всех, когда ему было около шести лет, он незаметно выучился читать. Однако собственное чтение казалось ему очень медленным, и он просил взрослых читать ему вслух».

В «Я сам» этот процесс описан так:

«Учила мама и всякоюродные сёстры. Арифметика казалась неправдоподобной. Приходится рассчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикам. Мне ж всегда давали, и я всегда давал без счёта. На Кавказе фруктов сколько угодно. Читать выучился с удовольствием».

Ещё маленький Володя Маяковский увлекался играми, связанными со знанием стихов и со словотворчеством. Его мать писала:

«Помню, игра была такая: играющий начинал читать стихотворение, затем, не окончив, обрывал чтение и бросал платок кому-либо из играющих. Тот должен был закончить стихотворение. Володя принимал участие в игре наравне с взрослыми.

Или затевалась игра на придумывание возможно большего количества слов на какую-либо букву. Когда взрослым уже надоедала игра, и они затруднялись называть слова, Володя всё ещё энергично продолжал придумывать. Эта игра его очень увлекала.

Володя часто проявлял настойчивость и умел заставлять взрослых подчиняться его желанию продолжать игру. Причём в таких случаях всю организацию игры он обычно брал на себя, склоняя на свою сторону даже тех, кто уже устал и не хотел больше играть».

Пролетел год. Володя Маяковский заметно повзрослел. Александра Алексеевна вспоминала:

«Володе семь лет. Он уже хорошо читает и начал готовиться к поступлению в гимназию. Он выучился ездить верхом на лошади, и папа брал его с собой в развозы по лесничеству. Я очень беспокоилась, так как дороги были опасные, но объездчики мне говорили: "Мы будем за ним смотреть"».

В «Я сам» о той поре сказано:

«Лет семь. Отец стал брать меня на верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, отдёргнул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щёки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман, и боль. В расступившемся тумане под ногами – ярче неба. Это электричество. Клёпочный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь».

В Россию в тот момент начали доставлять из-за границы газету, которую выпускали за рубежом революционеры-эмигранты. Жандармский офицер Александр Спиридович писал:

«... в декабре 1900 года появился первый номер "Искры", центрального органа социал-демократии. Одним из основателей её был Ульянов-Ленин, а деньги на издание первых номеров дал сын члена Государственного совета камер-юнкер Сабуров. Трогательное единение побывавшего в Сибири эмигранта-демагога с украшенным придворным мундиром современным политическим Митрофанушкой!»

Новый век

Наступил XX век.

Александра Алексеевна Маяковская:

«Весной 1901 года Люда кончила семь классов. По случаю окончания ею курса мы решили всей семьёй поехать в Сухум, где жили знакомые».

В Сухуме семилетнего Володю заинтересовала высоченная башня, стоявшая на берегу моря – маяк. Ему объяснили, что башня построена для того, чтобы светить морякам, указывая им путь. Александра Алексеевна:

«Маяк произвёл на Володю сильное впечатление».

Весной того же года из печати вышел поэтический сборник «Горящие здания», написанный мало кому известным стихотворцем Константином Бальмонтом. Читали ли тогда эту книгу в семье Маяковских, неизвестно. Но Людмиле было уже 16 лет, она внимательно следила за всеми литературными новинками той поры и должна была обратить внимание на этот поэтический сборник. Особенно на слова в предисловии:

«Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь».

У Людмилы вполне мог возникнуть вопрос, которым задавались многие читатели «Горящих зданий»: что означает это странное название? Ведь если здания горят, значит, пришла беда? Или вот-вот придёт.

В сборнике было стихотворение «Полночь и свет» со словами:

*«Вечно ли я буду рабом?
Мчитесь ко мне, буря и гром!
Сердце моё, гибни в огне!
Полночь и свет, будьте во мне!»*

Строки эти были явно адресованы тем, кто, желая покончить со своим рабским существованием, готов был совершить подвиг. Но сонет «Крик часового» призывал этих смельчаков не торопиться совершать поступки, «враждебные» кому-либо, так как на посту находится поэт – он «часовой», поставленный караулить покой страны:

*«Назавтра бой. Поспешен бег минут.
Все спят. Всё спит. И пусть. Я – верный – тут.
До завтра сном беспечно насладитесь.
Но чу! Во тьме – чуть слышные шаги.
Их тысячи. Всё ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!»*

Читателей наверняка привлекало слово «товарищи», которое в ту пору имело хождение в среде подпольщиков-революционеров.

Бальмонт как бы предупреждал Россию, что её мирной жизни угрожают некие «враги», которых «тысячи». Но кто они?

В «Горящих зданиях» было стихотворение «Морской разбойник» – про альбатроса, отнимающего у других птиц их добычу:

*«Морской и воздушный разбойник, тебе я слагаю свой стих,
Тебя я люблю за бесстыдство пиратских порывов твоих.
Вы, глупые птицы, спешите, ловите сверкающих рыб,
Чтоб метким захватистым клювом он в воздухе их перешиб!»*

После выхода этого поэтического сборника популярность Константина Бальмонта стала просто невероятной. Другой поэт-символист, Валерий Брюсов, через какое-то время написал:

«Россия была именно влюблена в Бальмонта. Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры наигрывали его слова своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадках».

В том, что одной из таких гимназисток вполне могла быть и Людмила Маяковская, вряд ли стоит сомневаться.

Не менее знаменит в ту пору был и «певец босяков» Максим Горький. В апреле 1901 года (через месяц после выхода в свет «Горящих зданий») в журнале «Жизнь» было напечатано его новое стихотворение, которое называлось «Песней о Буревестнике»:

*«Ветер воеет... Гром грохочет...
Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря.
– Буря! Скоро грянет буря!
Это смелый Буревестник гордо реет среди молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:
– Пусть сильнее грянет буря!»*

Своим стихотворением Горький тоже предупреждал россиян о приближении некоего грозного фронта. Видный социал-демократ Емельян Михайлович Ярославский, расшифровывая смысл горьковского «Буревестника», впоследствии написал:

«... это боевая песнь революции... Его переписывали от руки, его читали и перечитывали в рабочих кружках и в кружках учащихся».

Цензор, давший разрешение на публикацию «Песни», тоже оставил своё мнение:

«Означенное стихотворение произвело сильное впечатление в литературных кружках известного направления, причём самого Горького стали называть не только "буревестником", но и "буреглашателем", так как он не только возвещает о грядущей буре, но зовёт бурю за собою».

В семье Маяковских «Песню» Максима Горького не могли не заметить. А если заметили, значит, тоже «читали и перечитывали».

В 1901 году Россия узнала ещё об одном поэте. Он учился на естественном отделении физико-математического отделения Московского университета, звали его Борис Николаевич Бугаев, но стихи свои он публиковал под псевдонимом Андрей Белый. Некоторые из них производили сильное впечатление на тех, кто ожидал бурю. В стихотворении «Жизнь» говорилось:

*«Пускай же охватит нас тьмы бесконечность —
сжимается сердце твоё?
Не бойся, засветит суровая Вечность
полярное пламя своё!»*

«Утешение»:

*«Хандру и унынье, товарищ, забудь!..
Полярное пламя не даст нам уснуть...»*

«Раздумье»:

*«Ночь темна. Мы одни.
Холод. Ветер ночной
деревьями шумит. Гасит в поле огни.
Слышен зов:
"Не смущайтесь...
я с вами... за мной!"»*

Поэт Белый призывал «товарищей» терпеливо переждать ночной мрак и дожидаться утра, когда всё вокруг «засветит» некое «полярное пламя», чем-то родственное «буре» Максима Горького.

Наступил год 1902-й.

Входивший в Лондоне журнал российских эмигрантов «Жизнь» напечатал перевод на русский язык «Интернационала», ставшего вскоре международным гимном социалистов и анархистов. И в России запели:

*«Вставай, проклятьем клеймённый,
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой идти готов».*

А 8 февраля в Санкт-Петербурге Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук избрало писателя Максима Горького почётным академиком. Узнав об этом, царь Николай Второй ужаснулся и потребовал отменить избрание.

Горького из академиков удалили. В знак протеста из Академии вышли писатели Владимир Короленко и Антон Чехов.

Жизнь продолжалась.

Глава вторая Постижение бунтарства

Начало учения

Весной 1902 года пришла пора поступать в гимназию Володе Маяковскому. Его мать вспоминала:

«Я сшила ему синие длинные суконные штаны, белую матросскую рубашку, пришила на рукав синий якорь и купила матросскую бескозырку с лентой и надписью: "Моряк". Володе очень понравился этот костюм».

Родители повезли его в Кутаис – сдавать вступительные экзамены, которые начинались 12 июня.

Александра Алексеевна Маяковская:

«Тогда не было автомобилей, и между Кутаисом и Багдади ходили дилижансы – большие, на двенадцать человек, экипажи, запряжённые четвёркой лошадей. Дилижанс отходил только утром».

Приехали в Кутаис.

Сохранился диктант, написанный маленьким Володей:

«Вчера я с папой ходил в гимназию. Нам нужно было узнать, когда будут экзамены. Сторож Иван сказал нам, что они будут во вторник.

– Господи, о чём меня будут спрашивать учителя?».

За диктант Володя получил четвёрку. О вопросах, которые задавались на устном экзамене, в «Я сам» написано:

«Экзамен в гимназию. Выдержал. Спросили про якорь (на моём рукаве) – знал хорошо. Но священник спросил – что такое "око". Я ответил: "Три фунта" (так по-грузински). Мне объяснили, что "око" – это "глаз" по-древнему, церковнославянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу – всё древнее, всё церковное и всё славянское».

По закону божью и арифметике он получил четвёрки, по русскому устному – пять.

Из воспоминаний матери:

«В последний день экзаменов у Володи повысилась температура, он заболел брюшным тифом...

Болезнь Володи протекала в тяжёлой форме, и мы очень беспокоились...

Наконец, Володе стало лучше. Пришёл врач и разрешил ехать в Багдади.

– Но только беречься, не пить сырой воды!

Эти слова Володя запомнил навсегда. В Кутаисе не было водопровода, и жители пили воду из реки Рион, отстаивая её квасцами. Мы всегда пили в Кутаисе кипячёную воду, Володя, вероятно, напился сырой воды вне дома».

Много лет спустя, обращаясь к «товарищам-потомкам», Маяковский скажет о себе:

*«... что жил-де такой
пёвец кипячёной
и враг воды сырой».*

Лето 1902 года подошло к концу. Александра Алексеевна Маяковская:

«Люда... уехала в Тифлис – заканчивать последний, восьмой, педагогический класс. Я переехала с младшими детьми в Кутаис...

Володя надел гимназическую форму и 1 сентября пошёл в гимназию, в которой учились раньше отец и дядя...

Володя и Оля учились хорошо, получали пятёрки...

В это время наша семья жила в трёх местах. Всем было тяжело, но другого выхода не было – нужно было дать детям образование».

Вскоре из Тифлиса в Кутаис перебралась и Людмила. Стала готовиться к поступлению в школу – учительницей. Володя продолжал заниматься в подготовительном классе.

А в Москве в Художественном театре 18 декабря состоялась премьера спектакля по пьесе Максима Горького «На дне». И по всей России полетели слова, которые произносил один из персонажей:

«– Че-ло-век. Это – великолепно. Это звучит гордо!»

Володе Маяковскому тоже было, чем гордиться. В «Я сам» сказано:

«Подготовительный, 1-ый и 2-ой. Иду первым. Весь в пятёрках. Читаю Жюль Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром».

Этим «бородачом» был сорокалетний Сергей Пантелеймонович Краснуха, окончивший Академию художеств. У него Людмила Маяковская брала уроки рисования и ему рассказала о брате, способном рисовальщике. Впоследствии она вспоминала:

«В это время он рисовал уже довольно хорошо, преимущественно по памяти. Срисовывал и увеличивал крейсера, иллюстрировал прочитанное, рисовал карикатуры на наш домашний быт».

Сергей Краснуха стал обучать Володю и Людмилу. По её словам, происходило это так:

«Учитель засиживался с нами, не считая времени, увлекаясь вместе с нами. Он рассказывал нам о русской и западной живописи, об отдельных художниках...

Уроки проходили оживлённо и интересно. Володя быстро догнал меня в рисовании. Мы стали привыкать к мысли, что Володя будет художником».

Когда сын уходил в гимназию, мать давала ему деньги на завтрак, а он всегда просил добавить: «чтобы угостить товарищей». Александра Алексеевна добавляла:

«Ему было приятно, когда школьные товарищи, сокращая фамилию, называли его "Володя Маяк"».

О той же поре – один из учителей гимназии, Пётр Целукидзе:

«Раз в учительской ко мне и Джомарджидзе подошёл законоучитель подготовительных классов Шавладзе и говорит:

– Что за странный мальчик этот Маяковский!

– А что случилось? Напроказничал? – спросили мы.

– Нет, шалить-то он не шалит, но удивляет меня своими ответами и вопросами. Когда я спросил:

– Хорошо ли было для Адама, когда Бог после его грехопадения проклял его и сказал: "В поте лица своего будешь ты есть хлеб свой", – Маяковский ответил:

– Очень хорошо. В раю Адам ничего не делал, а теперь будет работать и есть. Каждый должен работать.

Потом задал мне вопрос:

– Скажите, батюшка, если змея после грехопадения начала ползти на животе, то как она ходила до проклятия?

Все дети засмеялись, а я не знал, как ответить».

Ответ на любой вопрос могли в ту пору дать, пожалуй, только революционеры-подпольщики – те самые отчаянные смельчаки, которые призывали на страну бурю и делали всё, чтобы ускорить её пришествие. Самодержавная власть никакой бури не желала, поэтому старалась скрутить всех нелегалов в бараний рог.

Тюрьма Кутаиса

Земляк Владимира Маяковского, исключённый из семинарии Иосиф Джугашвили, в тот момент занимался организацией демонстраций и забастовок. 5 апреля 1902 года его арестовали в Батуме. Целый год просидел Иосиф («товарищ Сосо») в батумской тюрьме, а 19 апреля 1903 года его перевели в тюрьму Кутаиса. Заключённый, сидевший с ним в одной камере, впоследствии писал:

«Мы прожили вместе в кутаисской тюрьме более чем полгода, и я ни разу не видел, чтобы он возмущался, выходил из себя, сердился, кричал, ругался, словом, проявлял себя в ином аспекте, чем в совершенном спокойствии».

В семье Маяковских, по словам Александры Алексеевны, в это время...

«... много читали. Мы получали произведения Горького, Чехова, Короленко и других новых писателей. Новинки интересовали всех. Читали журналы, газеты. Обсуждали, спорили, говорили о литературе и политических событиях... Володя тоже всегда присутствовал, любил слушать, иногда задавал вопросы и принимал участие в обсуждении...

В это лето Володя особенно много читал...».

Людмила Маяковская:

«Обычно Володя брал книгу, набивал карманы фруктами, захватывал что-нибудь своим друзьям-собакам и уходил в сад. Там ложился на живот под деревом, а две-три собаки любовно сторожили его. И так долго читал...».

Александра Алексеевна Маяковская:

«Собаки Вега и Бостон ложились тут же на траве и "сторожили" его. Там он проводил время спокойно, читал много, и ему никто не мешал».

Людмила Маяковская:

«А по вечерам, наоборот, он лежал на спине и рассматривал звёздное небо, изучая созвездия по карте, которая прилагалась, кажется, к журналу "Вокруг света"».

Александра Алексеевна пояснила, что в тот момент её сын...

«... увлекался астрономией – в приложении к журналу "Вокруг света" была одна карта звёздного неба. По вечерам Володя любил ложиться на спину и наблюдать небо, густо усыпанное яркими, крупными звёздами».

Тем же летом сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне проходил второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Там случился раскол недавних единомышленников: получившие большинство голосов сторонники Владимира Ильича Ульянова (который всё чаще называл себя Лениным) стали именоваться **большевиками**, а сторонники Юлия Осиповича Цедербаума (партийная кличка – Лев Мартов) **меньшевиками**.

Приверженцы Ульянова-Ленина прямо и откровенно заявляли, что их цель – организация вооружённого восстания, свержение самодержавия и установление диктатуры пролетариата. Поэтому оружием для себя они избрали народовольческий терроризм и экспроприацию (или проще – грабёж).

Знали ли обитатели кутаисских тюремных камер о расколе партии на две фракции или нет, о том никаких свидетельств не сохранилось. Известно лишь, что в самом конце июля (в разгар работы съезда) Иосиф Джугашвили организовал бунт заключённых. Другой очевидец тех событий писал, что товарищ Сосо...

«... предъявил тюремной администрации следующие требования: устроить нары в тюрьме (заключённые спали на цементном полу), предоставить баню два раза в месяц, не обращаться грубо с заключёнными, прекратить издевательства тюремной стражи и так далее».

Ознакомив начальство тюрьмы со своими требованиями, узники принялись бить в тюремные ворота. Так как ворота были железные, гул от ударов распространился по всему Кутаису. Жители всполошились.

Был вызван полк солдат, который окружил тюрьму. Приехали губернатор, прокурор, полицейские чины. Стали выявлять зачинщиков бунта. Привели Джугашвили, и он повторил всё то, что было предъявлено ранее тюремной администрации.

Все требования заключённых были удовлетворены, но «смутьянов» — тех, кто организовал выступление арестантов, перевели в «самую скверную камеру» (третью, на нижнем этаже). Надо полагать, что именно после этих событий Иосифа Джугашвили стали называть Кобой (по мнению одних его биографов, это слово означает «неукротимый», по мнению других — «неустранимый»).

Семья Маяковских о том тюремном бунте, конечно же, знала. Но был ли кто-нибудь из них очевидцем событий? Ведь в гимназии начались каникулы, Володя, Ольга и Людмила отдыхали в селе Багдады.

В воспоминаниях Александры Алексеевны есть небольшая зацепочка:

«Весной и летом до отъезда в Багдади любимым местом прогулок Володи была река Рион. Он купался и играл с товарищами. Однажды он стал тонуть, но его спасли купавшиеся солдаты».

Откуда в Кутаисе солдаты? Не из того ли полка, что был вызван для подавления бунта в местной тюрьме, затеянного Иосифом Джугашвили? Кстати, его вскоре отправили в ссылку.

Тем временем далеко-далеко от европейской части России — на Дальнем Востоке — начали разгораться весьма драматичные события. Япония, многомиллионное население которой ютилось на небольших островах, желала расширить свою территорию за счёт Кореи и Манджурии. У царской России были свои территориальные планы, и она рассчитывала воплотить их в жизнь с помощью «маленькой победоносной войны».

Александра Алексеевна Маяковская писала:

«Новый, 1904 год, мы встречали в Кутаисе...

Год был тяжёлый. В январе началась русско-японская война».

Да, в ночь на 27 января 1904 года без всякого объявления войны японский флот атаковал российскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Завязался бой.

В залах Зимнего дворца Санкт-Петербурга гремел бал, когда появился офицер Генерального штаба и вручил царю телеграмму с Дальнего Востока. В ней говорилось о японском нападении.

Царь с известием ознакомился. Танцы в Зимнем дворце продолжались.

В тот же день у корейского порта Чемульпо японские корабли вступили в бой с российскими крейсером «Варяг» и канонерской лодкой «Кореец». Сражение длилось 50 минут. Силы были неравные. «Варяг» пришлось затопить, а «Корейца» взорвать.

Об этом тоже доложили царю. Дежурный флигель-адъютант в воспоминаниях написал, что через полчаса после доклада Николай Второй в парке «с увлечением, почти детским, стрелял из ружья по воронам».

Военная пора

Начавшаяся война отразилась и на антиправительственном движении. Жандармский офицер Александр Спиридович писал:

«1904 год принёс войну, а с ней в первые месяцы и некоторую перестановку в массовой революционной работе. Кружки почти прекратились. Рабочие боялись военных судов, которые в умах массы были обязательны во время войны, боялись собираться на сходки. К тому же призывы по мобилизации выхватывали то одного, то другого партийного деятеля».

Тихий городок Кутаис война тоже затронула. Уже через несколько дней после её начала во время молебна в местной гимназии ученики неожиданно принялись шипеть. Это было расценено как антиправительственная акция, и троих старшеклассников арестовали.

Гимназисты запротестовали ещё сильнее.

Ситуацию использовал местный Имеретинско-Мингрельский комитет РСДРП – он стал подбивать учащихся выйти на улицу. Гимназисты вышли. И эсдеки на следующий день выпустили прокламацию, которую приводит в своих воспоминаниях гимназист Аполлон Месхи, одноклассник Владимира Маяковского:

«Учащиеся!., вы грозно раскинулись по главным улицам города и криками "Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!" приводили в неопишемый ужас ваших педагогов...

Вы смело примкнули к социал-демократии...

Вперёд, друзья!.. Мы жаждем новой жизни и бесстрашно идём к ней; мы ненавидим насилие и ложь и боремся против них, мы ищем правду-справедливость и страдаем за неё, и каждая жертва самодержавия куёт новый булат его гибели. Не бойтесь этих жертв. Уже настал желанный час, настал момент, когда всеобщая скрытая злоба и ненависть, вырываясь из истомлённых грудей сынов народа, превращается в грозный клич:

Долой самодержавие!

Долой героев кнута и насилия!

Долой хищника-кровопийцу и его опричников!

Да здравствует демократическая республика!»

Гимназист Маяковский о тех беспорядках воспоминаний не оставил. В его автобиографии есть глава «ЯПОНСКАЯ ВОЙНА», в которой сказано:

«Увеличилось количество газет и журналов дома. "Русские ведомости", "Русское слово", "Русское богатство" и прочее. Читаю все. Безотчётно взвинчен. <...> Появилось слово "прокламация". Прокламации вешали грузины. Грузинов вешали казаки. Мои товарищи – грузины, я стал ненавидеть казаков».

События на Дальнем Востоке тоже приковывали внимание Маяковского. Его мать писала:

«Настроение у всех было тревожное... Володя следил по карте, висевшей у него на стене, за передвижением русской эскадры».

Российские военные корабли под командованием вице-адмирала Зиновия Петровича Рождественского направлялась из Санкт-Петербурга на Дальний Восток – чтобы вступить в сражения, которые шли там.

Горьковский «Человек»

В 1904 году в сборнике товарищества «Знание» было напечатано стихотворение в прозе Максима Горького «Человек»:

«... в тяжёлые часы усталости духа я вызываю перед собой величественный образ Человека.

Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует – вперёд! и – выше! – трагически прекрасный Человек!..

Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неумолимой быстротой куда-то вглубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом – "зачем он существует?" – он мужественно движется вперёд! и – выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

Горький спешил поделиться мыслью, которая давно его волновала. Он неожиданно обнаружил, что над огромными многомиллионными массами людей возвышаются отдельные лич-

ности. Не такие, как все. Они идут в неизведанное и ведут за собою других. И сама жизнь, как вдруг оказалось, устроена так, что всё прогрессивное в ней осуществляет Человек с большой буквы, способный свершить невозможное, немислимое – то, что называется подвигом. Горький описал, как трудно этому Человеку, идущему вперёд:

«Идёт! В груди его режут инстинкты; противно ноет голос самолюбья, как наглый нищий, требуя подачки; привязанностей цепкие волокна опутывают сердце, точно плющ, питаются его горячей кровью и громко требуют уступок силе их... Все чувства овладеть желают им; всё жаждет власти над его душою. А тучи разных мелочей житейских подобны грязи на его дороге и гнусным жабам на его пути...»

И только... пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и тёмный хаос в сердце у него...

Так шествует мятежный Человек сквозь жуткий мрак загадок бытия – вперёд! и – выше! всё – вперёд! и – выше!»

Горький уверял своих читателей, что описанный им Человек (с большой буквы!) в любой момент готов пожертвовать собственной жизнью, если это потребуется людям, человечеству. В письме руководителю издательства «Знание» Константину Петровичу Пятницкому об этом стихотворении Горький говорил:

«Продолжать я буду – о мещанине, который идёт в отдалении – за Человеком и воздвигает сзади его всякую мерзость, которой потом присваивает имя всяческих законов и т. д.»

Горький даже продемонстрировал набросок этого продолжения:

«... действительный хозяин всей земли, благоразумный и почтенный Мещанин».

Однако Антон Павлович Чехов отнёсся к поэме Горького с улыбкой, написав, что прочёл «Человека»...

«... напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом на "о"..."».

Лев Николаевич Толстой тоже почувствовал нечто подобное и написал в газете «Русь»:

«Упадок это, самый настоящий упадок; начал учительствовать, и это смешно...

Человек не может и не смеет переделывать того, что создает жизнь; это бессмысленно – пытаться исправлять природу...».

И всё же многих молодых людей, готовых послужить человечеству, поэма Максима Горького вдохновила. Российские газеты той поры были переполнены сообщениями о случаях подобного «служения».

Так, 28 июля министр внутренних дел России Вячеслав Константинович Плеве направлялся в карете на доклад к царю. У Варшавского вокзала Петербурга его поджидали эсеры-террористы: Егор Созонов, Иван Каляев и ещё несколько человек, вооружённых взрывными устройствами. Главным метальщиком был Созонов, который и метнул бомбу в экипаж министра. Плеве был убит.

Тяжело раненый боевик Егор Сергеевич Созонов был схвачен и отдан под суд. Там он выкрикнул:

«– Погибнуть в борьбе за победу своего идеала – великое счастье».

Террориста приговорили к бессрочной каторге.

Но как перекликаются его слова с тем, что проповедовал Горький в своем «Человеке»:

«Я – в будущем – пожар во всей вселенной! И призван я, чтоб осветить весь мир, расплавить тьму его загадок тайных, найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать и, озарив весь мрачный хаос жизни на этой страдавшей земле, покрытой, как кожной болезнью, корой несчастий, скорби, горя, злобы, – всю эту грязь с неё смести в могилу прошлого!»

Читали ли это стихотворение Горького в семье Маяковских, сведений нет. Но кутаисские гимназисты горьковской поэмой наверняка зачитывались.

А Маяковские затеяли сборы в дорогу. Александра Алексеевна писала:

«В августе 1904 года Люда собралась ехать в Москву учиться. Сопровождал её отец. Он хотел рассмотреть Москву и лично познакомиться с тем, как Люда устроится в большом городе».

Тем временем в Кутаис вернулся бежавший из ссылки Джугашвили. Его направили сюда для реорганизации местного Имеретинско-Менгрельского партийного комитета. Коба реорганизовал его так, что очень скоро в Кутаисской губернии возникло множество новых нелегальных организаций. А в доме местного жителя Васо Гогиладзе даже заработала подпольная типография.

Пока всё это «возникало» и начинало «работать», в Багдады из Москвы вернулся Владимир Константинович Маяковский. Его жене запомнилось:

«Володя слушал рассказы отца с большим вниманием и много расспрашивал о Москве. Его всё интересовало. С тех пор его всегда тянуло в Москву».

8 сентября глава семьи Маяковских подал директору Кутаисской гимназии прошение об освобождении сына от платы за обучение, написав:

«На самом скромном моём содержании, без всяких других подспорных средств, мне приходится воспитывать на отлёте от места пребывания троих детей, что при получаемых средствах страшно чувствительно...».

Директор гимназии поставил на прошении резолюцию: *«Отказать»*.

15 сентября Володя Маяковский написал начавшей учиться в Москве сестре Людмиле:

«Я рисую, и, слава богу, у нас теперь хороший учитель рисования».

Этим «хорошим учителем» был З.П.Мороз, который во втором полугодии поставил гимназисту Маяковскому высшую отметку по рисованию – пять с плюсом.

У Володи появилось и другое увлечение. В начале октября сестра Ольга сообщала Людмиле:

«Володя страшно увлёкся игрой в шашки. К нему приходит один товарищ Чхеидзе почти каждый день, он живёт недалеко от нас. С ним-то Володя и играет в шашки на марки. У него собрался целый альбом иностранных марок».

Ещё Маяковские любили ходить в театр. Владимир Джапаридзе вспоминал:

«... бывал Володя и в городском театре, в обществе близких, с сестрой Олей на спектаклях известного артиста Ладос Месхишвили, любимца публики, подогревавшего своими революционными постановками – "Ткачами" Зедеманна, "Жиль Блазом" Гюго, "Гаем Гракхом" Т. Монти и др. – без того горячий пыл революционной молодёжи. Володя выглядел в театре не по летам серьёзным мальчиком, и было видно, что пьесы (на грузинском языке) слушал не только с большим вниманием и интересом, но и с воодушевлением».

Предгрозовая ситуация

Год 1904-й подходил к концу.

Война на Дальнем Востоке бушевала. В самой России тоже было неспокойно.

Владимир Фёдорович Джунковский, адъютант Великого князя Сергея Александровича (генерал-губернатора Москвы), впоследствии написал в своих воспоминаниях:

«Общество постепенно революционизировалось, вспышки и выступления крайних левых партий всё учащались, и нет сомнений, что они инспирировались и предпринимались по общим указаниям революционного комитета, находившегося тогда за границей...».

Террористические акты в России стали учащаться, угрозы со стороны революционных комитетов сыпались на лиц, занимавших ответственные посты. Великий князь Сергей Александрович также не избег этой участи – его систематически травили...

1 января при весьма милостивом высочайшем рескрипте, Великий князь был уволен от должности генерал-губернатора и назначен главнокомандующим войсками Московского военного округа...».

В этот момент осложнилась обстановка на Путиловском заводе Санкт-Петербурга, где были уволены четверо рабочих. В знак протеста 3 января путиловцы забастовали. К ним присоединились другие предприятия северной столицы – 8 января бастовало уже более 150 тысяч человек.

Хозяева Путиловского завода отменять увольнение категорически отказались, и православный священник Георгий Аполлонович Гапон, который возглавлял «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», предложил: в воскресенье 9 января «*всем миром*» отправиться к царю, ознакомить его с жалобами пролетариев и попросить помочь им.

Слух о готовящемся шествии мгновенно разнёсся по Петербургу.

В Тифлисе, где о ситуации в городе на Неве ничего ещё не было известно, 8 января нелегальная типография социал-демократов отпечатала листовку под названием «Рабочие Кавказа, пора отомстить!». Написал её Коба Джугашвили, поэтому неудивительно, что текст прокламации звучал, как стихи:

«Русская революция неизбежна.

Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца!

Пора разрушить царское правительство!

И мы разрушим его!»

Тем временем в Петербурге наступило воскресное утро. Жандармский офицер Александр Спиридович описал его так:

«С утра 9 января со всех окраин города двинулись к Зимнему дворцу толпы рабочих, предшествуемые хоругвями, иконами и царскими портретами, а между ними шли агитаторы с револьверами и кое-где с красными флагами. Сам Гапон... вёл толпу из-за Нарвской заставы. Поют "Спаси, Господи, люди твоя... победы благоверному императору..." Впереди – пристав расчищает путь крестному ходу».

Шедший от Нарвской заставы Георгий Гапон вполне мог повторять про себя строчки из горьковского «Человека»:

«– Я призван для того, – чтобы распутать узлы всех заблуждений и ошибок, связавшие запуганных людей в кровавый и противный ком животных, взаимно пожирющих друг друга!»

В стихотворении «9-е января», которое через 19 лет напишет Владимир Маяковский, будет сказано:

«Не с красной звездой —

в смирении тупом

с крестами или

за Гапоном-попом.

Не в сабли

врубались

конармией-птицей —

белели

в руках

листы петиций».

Вдруг шагавшая толпа остановилась – путь был перекрыт шеренгами вооружённых солдат и конными отрядами казаков с нагайками.

Художник Валентин Александрович Серов был тому свидетелем:

«... то, что пришлось видеть мне из окон Академии художеств 9 января, не забуду никогда – сдержанная, величественная, безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу – зрелище ужасное».

Никакой встречи с царём, конечно же, не состоялось – прогремели выстрелы, пролилась кровь. Владимир Маяковский потом напишет:

*«Скор
ответ
величества
был:
Пули в спины!
в груди!
и в лбы!»*

Жертв было много. По одним источникам – сотни убитых и раненых, по другим – тысячи. Максим Горький:

«Рабочих, с которыми шёл Гапон, расстреляли у Нарвской заставы в 12 часов, а в 3 часа Гапон уже был у меня. Переодетый в штатское платье, остриженный, обритый, он произвёл на меня трогательное и жалкое впечатление оцепеневшей курицы. Его остановившиеся, полные ужаса глаза, охрипший голос, дрожащие руки, нервная разбитость, его слёзы и возгласы: "Что делать? Что я буду делать теперь? Проклятые убийцы..." – всё это плохо рекомендовало его как народного вождя, но возбуждало симпатию и сострадание к нему как просто человеку, который был очевидцем бессмысленного и кровавого преступления».

Владимир Джунковский:

«В ответ на это кровопролитие забастовали студенты университета и Академии художеств. Гапон, сделав своё гнусное дело, скрылся, отпечатав в литографии "Свободное слово" следующую прокламацию для распространения её среди рабочих и войск: "9 января. 12 часов ночи. Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жён и детей, и всем угнетателям народа моё пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, моё благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь народную, нарушить разрешаю. Священник Георгий Гапон".

В результате Гапон достиг того, чего хотел – во всех уголках России передавали события 9 января в самом искажённом виде, везде эти слухи возбуждали кружки недовольных, увеличивали их, революционизировали».

Особенно будоражила молва о том, что священник Гапон был связан с Охранным отделением и действовал по указке жандармов.

В семье Маяковских события «кровавого воскресенья» не могли не обсуждать. Те слова и фразы, из которых потом сложились строки стихотворения «9-е января», наверняка произносились во время тех разговоров:

*«Позор без названия,
ужас без имени
покрыл и царя,
и площадь,
и Зимний.
А поп
на забрызганном кровью требнике
писал
в приход*

царёвы серебряники».

Жандармский офицер Александр Спиридович:

«Во всех кругах общества – недовольство, недоумение и возмущение. Произошедшее настолько непонятно, что объяснением его в глазах враждебно настроенной к правительству публики было только – провокация. Но чья? Ну, конечно, со стороны правительства, и волна негодования прокатилась повсюду, по всей России. То там, то здесь вспыхивают забастовки, сыплются протесты. Поднялась как бы вся страна.

Из-за границы же шли полные огня прокламации».

Пытаясь как-то смягчить сложившуюся сверхдраматичность, 11 января царь назначил петербургским генерал-губернатором («с чрезвычайными полномочиями») бывшего обер-полицеймейстера Москвы генерал-майора Дмитрия Фёдоровича Трепова, который на несколько месяцев стал фактическим диктатором России.

Реакция общества

Поэт-символист Дмитрий Мережковский тут же заявил, что кровавая расправа, учинённая царским режимом над мирной демонстрацией рабочих, убедила его в «антихристианской» сущности российского самодержавия. И опубликовал в журналах «Полярная звезда» и «Вопросы жизни» гневную статью «Грядущий хам». Обращаясь к интеллигенции, названной «живым духом России», поэт говорил о том, что в стране существуют...

«... мощные силы духовного рабства и хамства, питаемые стихией мещанства, безличности, серединности и пошлости».

С этими силами, говорил Мережковский, необходимо беспощадно бороться, недооценивать их очень опасно, потому как они рвутся к власти:

«Одного бойтесь – рабства худшего из всех возможных рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам...».

Поэт обрисовал грозившее россиянам...

«... лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, чёрной сотни».

Толковые словари объясняют значение слова «хам» так: в языке дореволюционных дворян хамом назывался человек, принадлежавший к низшим классам и поэтому лишённый всякого человеческого достоинства. Его отличительными особенностями были грубость, наглость, невоспитанность, он в любой момент мог пойти на любую подлость. То есть «хам» было словом презрительным, бранным.

Опасаясь, что за публикацию статьи о Хаме власти обрушат на него репрессии, Мережковский вместе с женой, поэтессой Зинаидой Гиппиус, уехал в Париж. Там беглецы встречались с видными революционерами-эмигрантами: с идеологом анархизма Петром Алексеевичем Кропоткиным, с теоретиком российского марксизма Георгием Валентиновичем Плехановым и с одним из руководителей Боевой организации эсеров Борисом Викторовичем Савинковым.

А бунт в России продолжал разрастаться, всюду звучали призывы: «К оружию!», «Долой самодержавие!». Годы спустя этот мятежный всплеск назовут первой русской революцией.

Великий князь Сергей Александрович был одним из тех, кто настаивал на разгоне с помощью оружия мирного шествия петербургских рабочих. И партия социалистов-революционеров приговорила его за это к смертной казни. Исполнителем кровавой акции был назначен Иван Каляев.

Кто он?

Иван Платонович Каляев родился в Варшаве в 1877 году. Окончив гимназию, поступил в Московский университет, через год перевёлся в Петербургский, а ещё через год за уча-

стие в студенческой забастовке был сослан на два года в Екатеринославль под надзор полиции. Иван писал стихи, за что получил кличку «Поэт». Самым известным его сочинением стало стихотворение «Молитва»:

*«Христос, Христос! Слепит нас жизни мгла.
Ты нам открыл всё небо, ночь рассеяв,
Но храм опять во власти фарисеев.
Мессии нет – Иудам нет числа».*

В 1903 году Каляев объявился в Женеве и вступил в Боевую организацию эсеров. В Париже изучал взрывчатые вещества и правила обращения с динамитом. Стал фанатиком террора. По словам Бориса Савинкова, Каляев говорил ему:

«– Террор – сила... Я верю в террор больше, чем во все парламенты мира».

Эту его «веру» наверняка укрепляло горьковское стихотворение «Человек», воспевавшее силу всесокрушающей человеческой «Мысли»:

«– Для Мысли нет твердынь несокрушимых, и нет святынь незыблемых ни на земле, ни в небе! Всё создаётся ею, и это ей даёт святое, неотъемлемое право разрушить всё, что может помешать свободе её роста!»

Один из главных организаторов покушения на Великого князя, Борис Савинков, тоже писал стихи. В одном из них речь тоже шла о «вере»:

*«Таёт мутное стекло.
Всё равно мне. Всё равно.
Я – актёр. Я – наважденье.
Я в гробу уже давно
И не верю в воскресенье».*

Наступило 2 февраля 1905 года. Именно на этот день было назначено покушение. Увидев знакомую карету, ждавший её Каляев кинулся навстречу, поднял руку, чтобы бросить бомбу, но... Рядом с Великим князем сидели его жена и малолетние племянники.

Взрывное устройство брошено не было. Карета спокойно двинулась дальше. А Каляев пошёл в Александровский сад, где его поджидал Савинков. Вручив ему не использованную бомбу, на вопрос «Что случилось?», по словам Савинкова, ответил:

«– Я думаю, что поступил правильно. Разве можно убивать детей? Вправе ли организация, убивая Великого князя, убивать его жену и детей?»

Борис Савинков:

«Я сказал ему, что не только не осуждаю, но и высоко ценю его поступок».

Возвращая бомбу её изготовительнице, эсерке Доре Бриллиант, Савинков спросил, что она думает о поступке Ивана Каляева. Дора ответила:

«Поэт поступил так, как должен был поступить».

Вторая попытка теракта была назначена на 4 февраля.

Владимир Джунковский:

«В обычное время, между 2 и 3 часами дня, 4 февраля его высочество выехал в карете, как всегда один, из Николаевского дворца, направляясь в генерал-губернаторский дом, где он заказал себе баню».

На этот раз Каляев поджидал свою жертву в Кремле. Когда экипаж Великого князя приблизился, «поэт» швырнул свою «адскую машину».

Впоследствии он написал:

«Я бросал на расстоянии четырёх шагов, не более, с разбегу, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета... Вся поддёвка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг».

Иван Каляев явно вспомнил фразу из горьковского «Человека»:

«— И сознаю, что побеждают не те, которые берут плоды победы, а только те, что остаются на поле битвы».

Владимир Джунковский:

«Когда рассеялся дым, то представилась ужасающая картина: щепки кареты, лужа крови, посреди коей лежали останки великого князя...

Городовой, стоявший на посту, и кто-то из обывателей бросились и задержали преступника».

Сам террорист потом вспоминал:

«Мы поехали через Кремль на извозчике, и я задумал кричать: "Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!"»

Вся Россия обсуждала случившееся. Из уст в уста передавались строки из стихотворения Каляева:

*«Мы жить хотим! Над нами ночь висит.
О, неужель вновь нужно искупленье,
И только крест нам возвестит спасенье?..
Христос, Христос!..
Но все вокруг молчит».*

Многие, однако, недоумевали, почему фанатик-террорист, пожалевший жену Великого князя и его племянников, погубил кучера Андрея Рудинкина, представителя тех самых угнетаемых масс, ради светлого будущего которых эсеры и совершали этот террористический акт. Получивший многочисленные телесные повреждения кучер скончался через три дня.

В апреле состоялся суд особого присутствия Правительственного Сената, на котором присутствовал и Владимир Джунковский. О Каляеве он написал:

«Держал он себя как-то несерьёзно, мелочно, далеко не героем, хотя, казалось, хотел им быть, но именно от этого у него и выходило всё не геройски, а скорее нахально».

Произнося своё последнее слово, подсудимый сказал:

«Я вижу грядущую свободу возрождённой к новой жизни трудовой, народной России. И я рад, я горд возможностью умереть за неё с сознанием выполненного дела».

Как тут не вспомнить строки из горьковского «Человека»:

«— Иду, чтобы сгореть как можно ярче и глубже осветить тьму жизни. И гибель для меня — моя награда».

Каляева приговорили к смертной казни через повешение. 10 мая в Шлиссельбургской крепости приговор был приведён в исполнение.

В семье Маяковских убийство Великого князя террористом-эсером не могли не обсуждать. Одиннадцатилетний гимназист Володя внимательно слушал разговоры взрослых и, возможно, даже вставлял в них свои реплики. И, вне всяких сомнений, много размышлял об этом событии, ставя себя на место «поэта» Ивана Каляева и пытаясь ответить на вопрос: а как бы на его месте поступил он?

В народе ещё долго вспоминали благородного боевика, посланного совершить убийство, но не совершившего его из-за нежелания губить невинных детей и женщину.

А демонстрации и забастовки в российских городах продолжались. В Польше и Прибалтике возводились баррикады. «Беспорядки», как их называла официальная пресса, охватили Грузию – 17 января забастовали портовики и железнодорожники Батума, 18-го началась политическая стачка в Тифлисе, в тот же день поднялся Кутаис. 20 января забастовка стала всегрузинской.

Революционный Кутаис

Учебный процесс в кутаисской гимназии из-за забастовки тоже прервался. Об этом написала даже женевская социал-демократическая газета «Вперёд»:

«19 января толпа молодёжи человек в 100 направилась с бульвара по Гимназической улице с революционными песнями и возгласами. Остановленная полицией, она повернула к базару, а потом в Заречный участок, где и была рассеяна. В этот день арестовано 7 человек.

На другой день манифестация повторилась; арестовано 40 человек, в том числе 10 гимназистов; их грозят предать суду».

Свои революционные настроения молодые люди выплёскивали не только на улице. В гимназическом журнале за 1905 год, в котором фиксировался ход заседаний педагогического совета, сохранилась запись:

«25 января в гимназии после первого и второго уроков в верхнем и нижнем коридорах среди учеников раздавались шум и крики, которые, однако, быстро прекращались, когда к ученикам подходили директор, инспектор и преподаватели.

В конце большой перемены, несмотря на присутствие в коридоре как инспектора, так преподавателей и помощников классных наставников, ученики сгруппировались в верхнем и нижнем коридоре; среди них послышались крики "долой" (по-грузински и по-русски); ученики особенно сильно шумели и кричали в верхнем коридоре; там их крики прерывались нестройным пением песни революционного содержания, слышались отдельные возгласы "да здравствует свобода", а кто-то крикнул "долой самодержавие"».

Володя Маяковский в этих событиях, видимо, не участвовал. 2 февраля он написал сестре Людмиле в Москву:

«Я на несколько дней ездил в Багдады, потому что, по выражению местных грузинов, у нас в Кутаисе был "пунти"».

«Пунти» в переводе с грузинского – «бунт».

Нелегальная социал-демократическая газета «Пролетарий» тоже коснулась кутаисских событий:

«14 февраля группа бастующей молодёжи столкнулась с нарядом казаков. Засвистели нагайки, началось немилосердное побоище...».

Женевская газета «Вперёд» 30 марта продолжила тему:

«В Кутаисе все средние учебные заведения и городское училище закрыты вследствие забастовки учащихся. Учащиеся предъявили политические требования. Забастовщики, гимназисты, реалисты и гимназистки устроили политическую демонстрацию».

Александра Алексеевна Маяковская:

«В Кутаисе, как и по всей стране, проходили волнения среди рабочих, солдат и учащихся.

Володя вместе с товарищами по гимназии разучивал на грузинском языке "Варшавянку", "Смело, товарищи, в ногу" и другие революционные песни».

Как видим, Володя Маяковский пока ещё только «разучивал» революционные песни. Если бы он их распевал, Александра Алексеевна наверняка сообщила бы об этом.

18 апреля в Кутаис приехал Коба Джугашвили и снял дом неподалеку от кутаисского цейхгауза. Зачем? Об этом знали только особо доверенные лица – Коба не любил, чтобы о затеваемых им делах кому-то было известно заранее.

Володя Маяковский в семейной группе, 1900-е годы. Экспонат Музея института литературы АН СССР.

А в Москве на пост генерал-губернатора был назначен 68-летний генерал Александр Александрович Козлов. Об этом назначении Владимир Джунковский написал:

«Б то время генерал от кавалерии Козлов... проживал очень скромно в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. Прислугой у него была только одна кухарка. Как только вышел высочайший указ, Козлов, захватив ручной багаж, вдвоём со своей кухаркой прошёл пешком по Тверскому бульвару и пришёл в генерал-губернаторский дом, оставив за собой комнаты у Троицкой. Так официально произошло вступление нового генерал-губернатора в должность».

А противостояние России и Японии на Дальнем Востоке продолжало ожесточаться. 19 февраля возле города Мукден разразилось грандиозное сражение. Оно длилось 19 дней и стало самой продолжительной и самой кровопролитной битвой русско-японской войны. Победу не удалось одержать ни одной из сторон, но японцы объявили себя победителями, так как российские войска Мукден оставили.

14 мая к острову Цусима прибыла 2-я российская эскадра, которой командовал вице-адмирал Зиновий Рождественский. За её передвижением, как мы помним, внимательно следил Володя Маяковский. Завершив долгий и утомительный переход от Петербурга до Дальнего Востока, русские моряки вступили в бой с Императорским флотом Японии. Битва продолжалась двое суток.

Вот как то сражение описал Владимир Джунковский, незадолго до того произведённый из майоров сразу в полковники:

«16 мая вся Россия содрогнулась – было получено потрясающее известие о гибели эскадры адмирала Рождественского под Цусимой. Русский флот погиб, из 11 броненосцев, 9 крейсеров, 9 миноносцев, 4 транспортов только 2 крейсера и 2 миноносца пробились через кольцо японской эскадры. Страшное несчастье обрушилось на Россию, всё было забыто, только "Цусима" была у всех на устах».

Всем стало ясно, что война проиграна. Об этом наверняка тоже много говорили в семье Маяковских. А через девятнадцать лет в поэме «Владимир Ильич Ленин» появились строки:

*«Девятое января.
Конец гапонщины.
Падаем,
царским свинцом косимы.
Бредня
о милости царской
прикончена
с бойней Мукденской,
с треском Цусимы.
Довольно!
Не верим
разговорам посторонним!»*

В мае 1905 года в доме кутаисца Иосифа Гветадзе состоялась губернская конференция РСДРП. В её работе принял участие и Коба Джугашвили (он и в июне продолжал жить в Кутаисе).

А в Иваново-Вознесенске в том же мае вспыхнула стачка текстильщиков.

В июне произошло восстание в польском городе Лодзи.

21 июня, встречаясь с представителями дворян, крестьян, торговцев, промышленников и людей науки, царь сказал:

«Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого».

Но российское общество будоражили уже новые «заветы», которые то и дело возникали в глубинах революционного подполья.

Тревожное время

28 июня Москву потряс ещё один террористический акт, о нём – Владимир Джунковский:

«Во время приёма посетителей московский градоначальник граф П.П.Шувалов был ранен тремя пулями в то время, когда углубился в чтение прошения, поданного ему одним из просителей. Граф Шувалов сразу упал, потерял сознание и, не приходя в себя, умер между 2 и 3 часами дня...»

Убийцей оказался слушатель Петербургского учительского института Куликовский, который был задержан в Москве несколько времени назад по обвинению в политическом пре-

ступлении и содержался в Пречистенском полицейском доме, откуда бежал несколько дней назад».

Да, Павла Павловича Шувалова застрелил Пётр Александрович Куликовский, член Боевой организации эсеров. Суд приговорил его к повешению.

Пётр Куликовский подал прошение на *«высочайшее имя»*, и приговор ему был изменён на бессрочную каторгу. Убийцу московского градоначальника отправили в Сибирь – в Акатуйскую каторжную тюрьму.

В июле генерал-губернатором Москвы стал генерал от инфантерии Петр Павлович Дурново, а вице-губернатором – полковник Владимир Джунковский, который об уходе с поста предыдущего главы первопрестольной написал так:

«А.А.Козлов, простившись со всеми членами генерал-губернаторского управления, отправился тем же порядком, как и пришёл, со своей кухаркой, пеишом на свою старую квартиру в номера Троицкой в конце Тверского бульвара и вскоре, не заезжая в Петербург, получив бессрочный заграничный отпуск, 2 августа выехал за границу...»

При моих поездках за границу я встречался там с А.А.Козловым, который на мой вопрос, не тяжело ли ему жить всё время за границей, отвечал, что в России ему было бы ещё тяжелее, так как он не в силах был бы видеть весь тот хаос, среди которого жила Россия последние годы, и быть свидетелем, как она постепенно катится с горы».

Если так считал бывший генерал-губернатор, то не трудно себе представить обстановку, сложившуюся на тот момент в Москве. Не случайно Людмила Маяковская вернулась в Багдады раньше, чем планировала. Она вспоминала:

«Я приехала домой революционно настроенная, привезла с собой литературу, легальную и нелегальную».

Брата она охарактеризовала так:

«Он был насыщен революцией, горел и жил её судьбой. Я видела в нём юношу, которому было близко и интересно всё, что касалось революции, поэтому я дала ему читать всё, что привезла».

В «Я сам» об этом – отдельная главка *«НЕЛЕГАЛЬЩИНА»*:

«Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки, нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

*Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.*

И ещё какое-то, с окончанием:

*... а не то путь иной —
к немцам с сыном, с женой и с мамашей...
(о царе).*

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове».

Людмила Маяковская:

«В Володе я почувствовала взрослого человека, шагнувшего далеко в своём развитии. Я считала возможным говорить с ним как с равным. Познакомила его с нелегальными стихами и песнями. Володя их читал и заучивал наизусть».

В июне 1905 года вспыхнуло восстание на броненосце «Потёмкин». Это событие обсуждала вся Россия. Но в автобиографии Маяковского оно не упомянуто – там есть лишь ссылка (в главке «905-й ГОД») на общую обстановку, которая повлияла на результаты его учёбы:

«Не до учения. Пошли двойки».

Чтобы перейти в следующий класс, потребовалась переэкзаменовка.

Этот экзамен был сдан только в августе.

Осенью, как о том сказано в «Я сам», обстановка накалилась ещё больше:

«Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошёл. Хорошо. Воспринимаю живописно: в чёрном – анархисты, в красном – эсеры, в синем – эсдеки, в остальных цветах – федералисты».

Социалистами-федералистами называли в ту пору членов грузинской партии, требовавшей для Грузии территориальной автономии в составе России.

Наместником Кавказа был тогда граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, назначенный на эту должность высочайшим указом в феврале 1905 года. Граф, в свою очередь, доверил должность губернатора Кутаиса своему давнему другу Владимиру Александровичу Старосельскому, агроному-виноградарю, уже давно работавшему в Грузии (возглавлял плодопитомник в селе Сакара Кутаисской губернии).

Вот тут-то нуждавшиеся в оружии эсдеки и задумали прорыть подкоп, чтобы добыть тысячи две винтовок.

Неустршимый Коба Джугашвили, который, как мы помним, прибыв в Кутаис, снял домик неподалеку от цейхгауза (оружейного склада), организовал всё, как надо. Специально отобранные люди принялись копать. Они наверняка добрались бы до оружия, если бы в дело не вмешались неблагоприятные почвенные условия. Работу пришлось бросить на полпути, винтовок эсдеки не получили.

А гимназист Маяковский продолжал тем временем получать свои двойки.

Революция продолжается

Из воспоминаний вице-губернатора Москвы Владимира Джунковского:

«3 октября на митинге в Военно-медицинской академии в Петербурге рабочими был решён вопрос о всеобщей забастовке, после чего забастовка стала охватывать всю железнодорожную сеть. Забастовочное движение начало приостанавливать работу на фабриках, заводах, остановились трамваи, конки, стачка широкой волной охватила всю Россию».

13 октября 1905 года Московская городская дума под влиянием революционных настроений тоже приняла решение о начале всеобщей забастовки («не исключая больниц и водопровода»), что, по словам Владимира Джунковского...

«... ускорило то бедствие, которое пало, главным образом, на неимущее население столицы, когда Москва осталась без воды, а больные в больницах были брошены на произвол судьбы...».

В Москве забастовка была в полном разгаре, поезда не ходили, на улицах была темнота...».

Для борьбы с забастовкой и забастовщиками при активнейшем участии Департамента полиции был создан «Союз русского народа». Начались погромы и политические убийства.

Особый подъём ощущала тогда партия социалистов-революционеров. Несколько громких террористических актов невероятно подняли её авторитет. Желавших пополнить партийные ряды было очень много. А теми, кто хотел стать членом Боевой (террористической) организации, можно было, как говорится, пруд прудить.

Историки подсчитали, что за первое десятилетие XX века в России было совершено 263 террористических акта, объектами которых стали 2 министра, 33 генерал-губернатора, 16 градоначальников, начальников жандармских окружных отделений, полицеймейстеров, прокуроров, руководителей сыскных отделений, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 при-

сяжных поверенных, 26 агентов полиции и провокаторов. И это, не считая терактов, которые совершались без санкции партии.

Те же историки установили, что в 1905–1907 годах в России было убито 2180 и ранено 2530 частных лиц и 4500 государственных служащих. Всех жертв террористических актов насчитывалось около 17 000 человек.

А гимназист Володя Маяковский писал (12–14 октября) сестре Людмиле в Москву:

«Дорогая Люда!

Прости, пожалуйста, что я так долго не писал. <...> У нас была пятидневная забастовка, а после была гимназия закрыта четыре дня, так как мы пели в церкви Марсельезу. В Кутаисе 15-го ожидаются беспорядки, потому что будет набор новобранцев. 11-го здесь была забастовка поваров. По газетам видно, что и у вас большие беспорядки».

Обратим внимание, с какой эмоциональностью 12-летний гимназист описывал то, что происходило в Кутаисе. Чувствуется, что эти события очень его волновали, и он со свойственной молодым людям кипучей энергией рвался участвовать во всём. Распевая при этом (по примеру отца) революционную «Марсельезу».

В тот момент на подраставшее поколение россиян обрушился поток новых слов и представлений. Об этом – в «Я сам» (в главке «СОЦИАЛИЗМ»):

«Речи, газеты. Из всего – незнакомые понятия, слова. Требую у себя объяснений. В окнах – белые книжицы. "Буревестник". Про то же. Покупаю все. Вставал в шесть утра. Читал запоем. Первая: "Долой социал-демократов". Вторая: "Экономические беседы". На всю жизнь поразила способность социалистов распутывать факты, систематизировать мир. <...> Перечёл советское. Много не понимаю. Спрашиваю. Меня ввели в марксистский кружок. <...> Стал считать себя социал-демократом: стащил отцовские берданки в эсдекский комитет...

Хожу на Рион. Говорю речи, набрав камни в рот».

«Буревестник» — это название издательства, выпускавшего социал-демократическую литературу. Что же касается «отцовских берданок», то вот что о них сказала мать «стащившего»:

«На Гегутской улице, недалеко от нас, помещался социал-демократический комитет. Володя отнёс в комитет казённые ружья, которые полагалось отцу иметь для разъездов по лесничеству».

Стало быть, родители знали, что их сын «отнёс» в какой-то «комитет» отцовское «казённое» оружие. Знали и не возражали.

Почему?

Словно предчувствуя подобный вопрос, Александра Алексеевна Маяковская написала в воспоминаниях:

«Многие из окружающих нас людей считали, что мы предоставляем слишком много свободы и самостоятельности Володе в его возрасте. Я же, видя, что он развивается в соответствии с запросами и требованием времени, сочувствовала этому и поощряла его стремления».

Люди, окружавшие семью Маяковских, видимо, потому считали, что Владимир Константинович и Александра Алексеевна воспитывают сына не так, как следует, что читали книги о воспитании подрастающего поколения. Одной из таких книг была (кстати, весьма популярная в то время) небольшая книга немецкого психолога Пауля Радестока «Гений и безумство» («Genie und Wahnsinn»), в которой говорилось:

«... едва ли не губительнее всего отражается на детях излишняя снисходительность родителей, дающая полный простор развитию упрямства, прихоти и ничем не сдерживаемых капризов ребёнка. Из таких детей обыкновенно выходят люди, не способные ни к самообла-

данию, ни к упорной борьбе с невзгодами жизни: они или гибнут при первом же столкновении с суровой действительностью, или превращаются в бездушных эгоистов».

Впрочем, мы не знаем, как на самом деле реагировали на слишком самостоятельные поступки Володи Маяковского его родители, – до нас ведь дошли только те строки, которые писались уже в советское время, когда надо было горячо сочувствовать всему революционному.

Наступление реакции

Всю осень 1905 года в России клекотала шумная, драматичная, а нередко и кровопролитная *«смута»*. Во вспыхнувшей в октябре всероссийской стачке приняло участие около двух миллионов человек.

Когда волнения докатились до Санкт-Петербурга, генерал-губернатор столицы Дмитрий Фёдорович Трепов (с одобрения председателя правительства Сергея Юльевича Витте) приказал расклеить на улицах города свой приказ войскам. В нём были слова, которые впоследствии цитировались невероятно часто:

«... холостых залпов не давать и патронов не жалеть».

Эту хлесткую фразу обычно приводили как свидетельство невероятной жестокости царского ставленника. Журналист и поэт Николай Георгиевич Шебуев, готовивший к выпуску первый номер сатирического журнала «Пулемёт», даже стишок сложил о нём:

*«Я – Трепов. В свите
я – генерал.
Мы в паре с Витте
шли на скандал.*

*Мой герб: нагайка, штык и плеть.
Девиз: "Патронов не жалеть!"».*

Но этим своим приказом Трепов добился желаемого: народ испугался и на демонстрации не пошёл. Солдатам стрелять тоже не пришлось. ***В Санкт-Петербурге не пролилось ни капли крови!*** Случаев кровопролития за время генерал-губернаторства Трепова в северной столице вообще не было.

А императорские указы продолжали тем временем выходить один за другим.

18 февраля царь издал Манифест с призывом к повсеместному искоренению крамолы.

6 августа Высочайшим Манифестом учреждалась Государственная дума.

17 октября был обнародован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», предоставлявший россиянам гражданские права: свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу создания объединений (союзов). По сути дела это была первая российская конституция, завершавшаяся словами:

«Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на русской земле».

Николай Шебуев тут же опубликовал стихотворение под названием «Журналисту»:

*«Даровал свободу
слова манифест —*

*на год, на два года
садают под арест.*

*Требуют залога
гласности кроты.
Подожди немного,
посидишь и ты».*

17 октября в Петербурге вышел первый номер газеты «Известия Совета народных депутатов», в статьях которой почти в открытую проводилась мысль о том, что *«сила творит право»*.

В тот же день (ещё ничего не зная о царском Манифесте) на рабочем митинге в Тифлисе эсдек Коба Джугашвили произнёс:

«Что нужно нам, чтоб действительно победить? Для этого нужны три вещи: первое – вооружение, второе – вооружение, третье – ещё и ещё раз вооружение».

А Владимир Джунковский *«творил право»*, будучи безоружным. Годы спустя (в книге «На лезвии с террористами») тогдашний начальник Петербургского охранного отделения Александр Васильевич Герасимов напишет о нём:

«Тот самый, о котором мне в своё время сообщали, что в октябрьские дни 1905 года он, будучи московским вице-губернатором, вместе с революционерами-демонстрантами под красным флагом ходил от тюрьмы к тюрьме, чтобы освободить политических заключённых».

Одним из тех, кого освободили тогда в Москве, был видный социал-демократ Николай Эрнестович Бауман.

18 октября во время манифестации, организованной МК РСДРП, Бауман был убит. В знак солидарности с погибшим во многих городах страны состоялись демонстрации. Кутаисцы тоже вышли на улицы. С ними шагал и гимназист Маяковский. В «Я сам» (в главке «РЕАКЦИЯ») об этом сказано:

«По-моему, началось со следующего: при панике (может, разгоне) в демонстрацию памяти Баумана мне (упавшему) попало бильярдным барабанищем по голове. Я испугался, думал – сам треснул».

И всё же антиправительственные выступления очень скоро пошли на убыль. А 25 октября – через восемь дней после опубликования царского Манифеста – всероссийская стачка прекратилась.

В конце октября 1905 года Ольга Маяковская отправила письмо сестре Людмиле:

«Я купила себе книги: "Положение женщины в настоящем и будущем", «Долой социал-демократов!», "Социализм в Японии", "О программе работников", "Что такое рабочий день?", "Идеи марксизма и германская рабочая партия", "Об избирательном праве", "Буржуазия, пролетариат и коммунизм", "Среди людей", "Мозг и душа". Подобных книг купил себе и Володя 10 штук...

Сегодня я всё утро... ходила по домам собирать на сходку. Я маме сказала, что я иду на сходку, и мама разрешила, это очень приятно».

1 ноября мать тоже написала письмо Людмиле. В нём были и такие строки:

«В Кутаисе на бульваре ораторы говорили речи по поводу манифеста. Оля и Володя ходили слушать, но обошлось тихо, без казаков».

То, что мать *«разрешила»* детям побывать на сходке, лишний раз свидетельствует о том, что к революционерам она относилась весьма сочувственно.

Вечером того же дня царь Николай записал в дневнике:

«7 ноября. Вторник. Холодный ветреный день...

Познакомились с человеком Божим – Григорием из Тобольской губ.»

Новым знакомцем царской семьи стал крестьянин Григорий Ефимович Распутин (Новых), родившийся в 1869 году в селе Покровском Тобольской губернии в семье ямщика Ефима Яковлевича Распутина и Анны Васильевны Паршуковой. Григорий много странствовал по России, а в начале двадцатого столетия объявился в Санкт-Петербурге, где вскоре стал известен как «старец», «юродивый», «божий человек». Тогда же, по словам его дочери Матрёны, он стал брать «*первые уроки письма и чтения*». Познакомившись с царской семьёй, стал помогать царевичу Алексею бороться с гемофилией, болезнью, с которой тогдашняя медицина справиться не могла. А по стране начала тихо распространяться молва о том, что на российском властном Олимпе появился первый Хам – из тех, кого предсказывал Дмитрий Мережковский.

В это время (12 ноября) из Кутаиса в Москву полетело письмо – Александра Алексеевна Маяковская писала дочери:

«Оля занимается в гимназии, а Володя только бегают на сходки. Сейчас тоже побежал в гимназию, несмотря, что уже вечер. Он присоединился к группе шестиклассников, к ним приходит студент и читает им новые книги. Володя очень этим интересуется, он у нас большак, сильно идёт вперёд, и удержать не могу».

Надо полагать, что отец гимназиста Маяковского тоже был в курсе того, что его сын «бегают на сходки» и «очень интересуется» книгами антиправительственного толка.

В ноябре 1905 года Володя Маяковский тоже отправил письмо сестре Людмиле:

«Дорогая Люда!

Пока в Кутаиси ничего страшного не было, хотя гимназия и реальное забастовали, да и было зачем бастовать: на гимназию были направлены пушки, а в реальном сделали ещё лучше. Пушки поставили во двор, сказав, что при первом возгласе камня не оставят на камне. Новая "блестящая победа" была совершена казаками в городе Тифлисе. Там шла процессия с портретом Николая и приказала гимназистам снять шапки. На несогласие гимназистов казаки ответили пулями. Два дня продолжалось это избиение. Первая победа над царскими башибузуками была одержана в Гурии, этих собак там было убито около двухсот.

Кутаис тоже вооружается, по улицам только и слышны звуки Марсельезы».

Песню, которую любил распевать дома Маяковский-старший, теперь пел весь город Кутаис.

Вооружённое восстание

14 ноября 1905 года начался мятеж на крейсере «Очаков» и других кораблях Черноморского флота. Во главе взбунтовавшихся моряков встал капитан второго ранга Пётр Петрович Шмидт, объявивший себя командующим флотом. Но его командование продолжалось недолго – уже на следующий день восстание было подавлено.

В Москве обстановка тоже накалилась до предела. Владимир Джунковский, ставший к тому времени московским губернатором, писал:

«7 декабря начались волнения. Советом народных депутатов была объявлена с 12 часов дня общая политическая забастовка, долженствовавшая перейти во всеобщую, так как предполагалось, что днём позже к ней должны примкнуть Петербург и затем вся Россия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.